

Линкоры в бою

АЛЕКСАНДР
БОЛЬНЫХ

ВЕЛИКИЕ И УЖАСНЫЕ

Великие морские сражения

Александр Больных
**Линкоры в бою.
Великие и ужасные**

«Яуза»

2010

Больных А. Г.

Линкоры в бою. Великие и ужасные / А. Г. Больных — «Яуза», 2010 — (Великие морские сражения)

Новая книга от автора бестселлера «Дуэли авианосцев»! Лучшее исследование ведущего историка флота, которое при всем своем профессионализме читается как захватывающий авантурный роман! Невероятные приключения и превращения линейного корабля на протяжении четырех столетий – от деревянных парусников до закованных в тяжелую броню колоссов, кажущихся пришельцами из другого мира! Почему этот класс кораблей неоднократно менялся до неузнаваемости? Отчего в XX веке линейные флоты, на создание которых были потрачены астрономические суммы, не оправдали возлагавшихся на них надежд, а ставка на генеральное артиллерийское сражение оказалась битой? Правда ли, что линкоры навсегда уступили первенство авианосцам – или ракетное оружие подарило им новую жизнь? И стоит ли в ближайшем будущем ожидать очередной «реинкарнации» линкора? Эта книга позволит по-новому взглянуть на прошлое, настоящее и будущее самых грозных боевых кораблей в истории – наглядного олицетворения морской мощи.

© Больных А. Г., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Парадоксы истории	5
Не совсем броненосцы и совсем не линкоры	10
Пагубное влияние	17
Движение в потемках	25
Хрестоматийная война	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Геннадьевич Больных

Линкоры в бою. Великие и ужасные

Парадоксы истории

Уж если даже известный историк Зигфрид Брейер начинает рассказывать историю линейного корабля с доисторических времен, то нам, как говорится, сам бог велел последовать его примеру. Например, первым сражением, в котором решающую роль сыграли «линейные корабли» той эпохи, стало сражение при Саламине в 480 году до нашей эры. Доисторическим линейным кораблем тогда служили знаменитые афинские триеры. Кстати, именно со сражением у Саламина связана первая из загадок военно-морской истории. Вы помните, как излагается ход этого сражения в подавляющем большинстве источников? Хитроумный Фемистокл заманил персов в узкий пролив, где персы не могли использовать свое огромное численное преимущество, причем тяжелые персидские корабли не могли маневрировать, и верткие греческие триеры нанесли персидскому флоту тяжелые потери. Однако недавно некоторые историки задали резонный вопрос: а откуда у персов взялись тяжелые корабли? И предложили совсем иное описание сражения. Хитроумный Фемистокл заманил персов в узкий пролив, где тяжелые греческие триеры паровым катком прошли по легким персидским судам, в большинстве своем – мобилизованным торговым судам финикийцев. Кто прав? Ну, теперь мы это уже вряд ли узнаем.

В общем, на много веков вперед линейный корабль стал гребным судном – триерой, пентерой и так далее, а главным тактическим приемом в морских боях считался таран. Увы, древняя «артиллерия» в виде баллист и катапульт была слишком неточной и маломощной, чтобы с ее помощью можно было топить корабли. Правда, во время Пунических войн римляне, которые явно уступали карфагенянам в морской выучке, нашли оригинальный способ превратить морскую войну в сухопутную. Они изобрели абордажный мостик, который почему-то был назван «вороном». В результате каждое сражение превращалось в серию абордажных схваток, которые римские легионеры выигрывали за явным преимуществом. Это был первый, но далеко не последний случай, когда тактика делала шаг назад.

Долгое время весло считалось главным двигателем, а рабы – двигателем корабля. И даже не менее знаменитое сражение при Лепанто в 1571 году, то есть через две тысячи лет после Саламина, все равно провели все те же гребные суда, пусть теперь они превратились в галеры. А вот потом кораблестроение совершило резкий рывок, и ко времени англо-голландских войн парус окончательно вытеснил весло, что и неудивительно – на океанских просторах веслом особенно не помашешь. Вдобавок к этому времени военные корабли окончательно отделились от вооруженных купеческих судов, и появился настоящий линейный корабль, пока еще парусный, и главным оружием стала артиллерия. Первым специально построенным артиллерийским кораблем была английская каракка «Мэри Роуз». Далее повторилась история гребных судов – на долгое время вся эволюция линейного корабля свелась к увеличению размеров при отсутствии каких-либо качественных изменений.

К началу XIX века парусный линкор достиг предельных размеров, которые позволяло деревянное кораблестроение. 100-пушечные линкоры стали венцом его развития на данном этапе. Кстати, именно в период наполеоновских войн был поставлен рекорд по численности линейных кораблей одного типа. Первые попытки стандартизации предпринимали еще испанцы при постройке своих вест-индских галеонов, но безусловное первенство в этой области принадлежит французам. Французский конструктор Жак Санэ создал настолько удачный проект 74-пушечного линейного корабля, что с 1782 по 1813 год были заложены 107 кораблей

этого типа! Кстати, именно Санэ создал проект, по которому строилась и самая крупная серия тяжелых линкоров – 118-пушечный «Коммерс де Марсель» – 16 кораблей водоизмещением 5100 тонн. Кстати, эти корабли имели даже своеобразную броню – толщина дубовой обшивки временами достигала 1,5 метра, и ее брало не всякое ядро.

Именно эпоха парусного линкора дала самых выдающихся флотоводцев: де Рейтера, Джервиса, Нельсона, Сюффрена. Исход многих войн решался в сражениях на море, и главную роль в этих сражениях играл линейный корабль. На долгое время любое сражение превратилось в артиллерийскую дуэль двух кильватерных колонн на параллельных курсах, а тактические приемы вроде прорезывания строя противника все-таки оставались редким эпизодом.

Но все течет, все изменяется. Появление паровой машины в середине XIX века мало что изменило в морской стратегии и тактике, она оставалась не более чем вспомогательным механизмом на случай шторма. Гораздо более серьезный удар гордым ценителям морей нанесло появление бомбической пушки. Французский генерал Пексан резко увеличил вес снаряда, вместо 36-фн ядра появилась 68-фн разрывная бомба, противостоять которой не мог уже ни один деревянный корабль. Точку в этом споре поставило сражение при Синопе в 1853 году, после которого всем адмиралам стало ясно: больше так жить нельзя!

Но первыми этот вывод сделали не победившие в сражении русские и не проигравшие его турки, оргвыводы последовали на родине бомбических пушек – во Франции. Кстати, это очень легко объяснить. Крымская война стала первой из войн нового времени, когда одним из решающих факторов стал уровень развития промышленности страны, поставляющей армии наиболее современные и наиболее мощные системы вооружения. И чем дальше, тем все большую роль играл этот фактор. Для борьбы с русскими береговыми батареями французы построили несколько блиндированных плавучих батарей, которые продемонстрировали свою боевую ценность 17 октября 1855 года. Этот день следует считать первой знаменательной датой в истории броненосного линейного корабля, хотя до его появления на свет еще оставалось несколько лет.

Следующий шаг сделала другая промышленно развитая страна – Соединенные Штаты. Во время Гражданской войны там было построено множество кораблей нового типа – мониторов, и даже состоялся первый бой броненосных кораблей. 9 марта 1862 года на Хэмптонском рейде встретились башенный «Монитор» северян и казематный броненосец южан «Вирджиния». Но давайте не будем преувеличивать значение этого мелкого эпизода, ведь все до единого столкновения в ходе этой войны состоялись в прибрежных водах или на реках. Ни один из броненосных кораблей противников в открытом море показаться не посмел в силу ничтожной мореходности. Да и броня их, если говорить честно, была более чем странной.

Именно эти соображения заставляют усомниться в истинном значении попытки французов получить мореходный броненосец, обвешивая прокованными полосами железа свои деревянные корабли. Все-таки первым истинным военным кораблем нового поколения стал британский «Уорриор», который внес два революционных изменения в кораблестроение: железный корпус и катаные толстые броневые плиты. Именно это дает нам основание назвать его первым настоящим линейным кораблем в полном смысле этого слова.

20 июля 1866 года в Адриатическом море у острова Лисса состоялось первое сражение броненосных флотов – уже не случайная стычка пары кораблей у самого берега, а настоящий морской бой в открытом море. Но, к сожалению, этот бой оказал самое пагубное влияние на развитие тактики броненосных флотов. Временная слабость артиллерии вынудила адмирала Тегетгоффа использовать в качестве главного орудия таран, и этот прием был принят на вооружение всеми остальными флотами, несмотря на быстрое качественное совершенствование тяжелых орудий. Парадоксальное сочетание: рывок вперед в развитии техники и откат назад в тактике.

После этого до конца XIX века адмиралы и кораблестроители пытались найти идеальный тип линейного корабля. Батарейный броненосец, который еще называли броненосным фрега-

том, потому что он имел одну оружейную палубу, сменил броненосец с центральной батареей. Теперь орудия ставились не по всей длине палубы от штевня до штевня, а лишь в центральной части корпуса, но зато батарея прикрывалась от продольного огня броневыми траверзами. Кстати, как единственный «истинный» батарейный линкор следует упомянуть французскую «Мадженту», которая имела два оружейных дека.

Резко увеличившийся вес новых орудий привел к скачкообразному сокращению их количества, но зато в бортах появились специальные вырезы, позволившие значительно увеличить углы обстрела. Поэтому казематные броненосцы не уступали по силе батарейным.

Параллельно, хотя и с заметным отставанием, шло развитие башенного броненосца – прямого наследника «Монитора». Впрочем, долгое время башни так и оставались принадлежностью кораблей береговой обороны. Главным препятствием на пути развития башенного броненосца было несовершенство паровых машин, которое вынуждало для океанских плаваний сохранять парусное вооружение, отказавшись от него, конструкторы неизбежно получали корабль с ничтожной дальностью плавания. Англичане попытались было совместить несоединимое, но получившийся диковинный гибрид башни и паруса – броненосец «Кэптен» – перевернулся в шторм, и больше таких попыток никто не повторял. А проблемы с башенными установками привели к широкому использованию барбетных, которые были заметно тяжелее, но надежнее.

И все-таки приближался день, когда медленно накапливающиеся мелкие изменения должны были привести к появлению нового качества – мореходного эскадренного броненосца. Главное слово опять-таки принадлежало англичанам – в 1889 году был принят закон о морской обороне, в рамках которого была построена первая крупная серия броненосцев типа «Ройял Соверен». Они стали образцом для подражания во всех странах на ближайшие 15 лет. Русско-японская война стала звездным часом эскадренного броненосца, именно он решил судьбу войны на море и, как следствие, всей войны в целом. Интересный парадокс этой войны заключается в том, что бой в Желтом море, в котором не было потоплено ни одного корабля, решил судьбу Первой Тихоокеанской эскадры и, как следствие, – всей войны на море. А вот Цусима, которая стала синонимом решительной и полной победы, на самом деле уже не решала совершенно ничего.

Но все-таки казалось, что перед флотами всех стран лежит безоблачное будущее, хотя первые грозные облака уже начали собираться на горизонте. Большие маневры, проводившиеся Королевским флотом в начале XX века, показали, что управлять эскадрой из 15 и более броненосцев очень сложно. А если сделать поправку на условия реального боя, которые все-таки отличаются от маневров, как небо от земли... Но адмиралам думать об этом не хотелось.

В 1906 году грянул гром – британский флот обзавелся линейным кораблем принципиально нового типа – родился «Дредноут». Снова скачкообразный рост водоизмещения, турбины, увеличение количества орудий главного калибра – в дуэли один на один стандартный броненосец был бы обречен. Но требовалось еще построить флот дредноутов, чтобы флот броненосцев окончательно ушел в прошлое. Один дредноут ничего не мог сделать с эскадрой броненосцев, что блестяще доказал русский Черноморский флот при встречах с немецким линейным крейсером «Гебен». И не правы те авторы, которые утверждают, что появление «Дредноута» было внезапным или что оно было обусловлено изучением опыта Русско-японской войны. Нет, можно вспомнить хотя бы знаменитую статью Витторио Куниберти «Идеальный броненосец для британского флота» или проекты адмирала Фишера. Что же до опыта войны, он, разумеется, был учтен, но Цусима не в большей степени стала причиной рождения «Дредноута», чем Хэмптонский рейд – причиной появления «Уорриора».

Кстати, сам адмирал Фишер имел несколько другое мнение относительно идеального корабля для Королевского флота. Он полагал, что таковым должен стать «Инвинзибл», а не «Дредноут». «Инвинзибл», пользуясь огромным преимуществом в скорости, будет выбирать

дистанцию боя, а потом, используя более совершенные системы управления огнем и тяжелые орудия, расстреляет корабль противника без всякого риска для себя. В общем, именно это проделал адмирал Стэрди в бою у Фолклендских островов, но любопытно другое. Построив такую теорию, Фишер-революционер немедленно превратился в Фишера-догматика, который считал, что существующее *status quo* будет законсервировано навечно и что другие флоты не станут совершенствовать свои корабли и свои системы управления огнем. А вот тогда символическая броня «Инвинзибла» станет его смертельным пороком.

Тем временем дредноуты росли в размерах, увеличивался калибр их пушек, но в самом конце 1914 года состоялся новый качественный рывок – появились линкоры типа «Куин Элизабет». Они имели две отличительные характеристики – исключительно нефтяные котлы, хотя в то время истинное значение этого нововведения не было оценено в полной мере, высокую скорость и орудия, противостоять которым не могла броня ни одного из существующих дредноутов. Англичане дали старт очень опасной тенденции – разбалансировке оборонительных и наступательных характеристик корабля, эти линкоры (к ним уже неприменим термин «дредноуты») могли уничтожить любой корабль противника, но сами были защищены ничуть не лучше, чем гораздо более слабые немецкие линкоры типа «Кениг».

Можно было предположить, что после Русско-японской войны от гораздо более мощных линейных кораблей следует ждать особенных успехов, но на самом деле Первая мировая война показала, что линейный флот парадоксальным образом доразвивался до жесточайшего кризиса и неспособен выполнить ни одну из своих функций. Грозные плавучие крепости оказались почти беззащитны против атак подводных лодок, но гораздо важнее было другое. Полное и безоговорочное господство на море, которое имел Королевский флот, никак не могло обезопасить торговый флот Британии от подводной угрозы. И словно этого было мало, единственное сражение линейных флотов в этой войне показало, что и со своей основной задачей – нанести поражение противнику в артиллерийском бою, линейный флот не справляется. Причина была простой – резкое увеличение темпа сражения при сохранении почти допотопных средств связи, которые не обеспечивали надежного и оперативного управления флотом из 20 и более дредноутов. Ни адмирал Джеллико, ни адмирал Шеер в Ютландском сражении не контролировали собственные силы, тем более что помимо дредноутов в составе флота теперь имелись десятки крейсеров и сотни эсминцев. Флот превратился в бронтозавра с огромным туловищем и мозгом размером с грецкий орех.

Следующей вехой на пути развития линкора стала Лондонская конференция 1935 года, после которой в очередной раз появился новый тип линкора – быстроходный линейный корабль. Если бы были соблюдены условия первоначальных статей договора, линкор в 35 000 тонн с 356-мм орудиями получился бы сбалансированным кораблем, но Япония отказалась подписывать этот документ, и тогда все страны, кроме Англии, вспомнили о дополнительных статьях. Европейцы начали вооружать свои новые линкоры 381-мм орудиями, а американцы сразу перешли на калибр 406 мм. Правда, всех перещеголяли японцы, установившие на линкорах типа «Ямато» пушки в 456 мм, но об этом узнали далеко не сразу. В результате получился линейный корабль «Вашингтон», такой же несбалансированный, как ранее «Куин Элизабет».

И снова «линкорные адмиралы» с оптимизмом ожидали начала новой войны, ведь им представилась прекрасная возможность доказать, что линейный корабль все еще не потерял своего значения. Увы, хотя в новой мировой войне линкоры использовались гораздо более интенсивно, они окончательно превратились во вспомогательные корабли при новом владыке морей – авианосце. Хуже того, ни один из проведенных ими боев не вписывался в рамки классической теории генерального сражения – артиллерийскую дуэль на параллельных курсах на большой дистанции. Вот такой новый парадокс преподнесла история.

Начнем с того, что немецкие линкоры как-то незаметно для себя превратились в рейдеры, хотя с этой задачей прекрасно могли справиться скромные и незаметные вспомога-

ные крейсера. Французские корабли все свои бои почему-то провели, находясь в порту – либо стоя на якоре, либо пришвартовавшись к причалу. Бои на Тихом океане проходили практически исключительно по ночам и преподнесли поклонникам линкоров массу неприятных сюрпризов. Выяснилось, что эти гиганты ночью почти беспомощны, когда на них обрушивается огонь многочисленных зенитных автоматов легких кораблей противника. Гибелью корабля это не угрожает, зато командный состав, находящийся на открытых мостиках, гибнет в полном составе. Мало того, деликатная электроника систем управления огнем также не выдерживает столь варварского обращения. Классический пример – полностью потерявший боеспособность линкор «Саут Дакота» во Втором бою у Гуадалканала.

Особой статьей проходят у нас итальянские линкоры. Вроде бы все благоприятствовало тому, чтобы устроить настоящую артиллерийскую дуэль, ведь несколько встреч с англичанами на просторах Средиземного моря произошли именно днем. Но все эти встречи неизменно завершались одинаково – старые и тихоходные английские корабли безуспешно пытались догнать более быстроходных итальянцев. Почему это происходило? Каждый волен найти свой собственный ответ, во всяком случае, мнения британских и итальянских историков расходятся принципиально.

Операции Второй мировой войны преподнесли еще один сюрприз, который заметили далеко не все историки. Наконец-то была опровергнута старая истина: корабль не должен сражаться с береговыми батареями. И благодарить за это линкоры должны ту самую проклятую авиацию, которая сместила их с трона, точнее, самолеты-корректировщики. Теперь линкор мог вести точный огонь с большой дистанции, не подвергая себя особому риску, как это было в 1915 году в Дарданеллах. Линкоры союзников уничтожали не только японские батареи на островах Тихого океана, где не стояло орудий крупнее 203 мм, но и тяжелые батареи немцев в Бресте и Шербуре. Конечно, корабельной артиллерии помогали пикировщики, но и орудия линкоров сказали свое веское слово.

Хотя, зачем для этого нужно было строить такие большие и дорогостоящие корабли? Можно было обойтись дешевыми мониторами, англичане же построили «Аберкромби» и «Робертс». И если бы нашелся второй Витторио Куниберти, который где-то так в 1943 году написал статью «Идеальный линкор для американского флота», он наверняка бы предложил скрестить «Робертс» с «Айовой» и каким-нибудь крейсером ПВО. В результате получилось бы нечто вроде проектов достройки французского линкора «Жан Бар» на американских верфях: много-много зениток и одна башня главного калибра при вполне приличной скорости. А что? Устойчивость ПВО авианосного соединения такой корабль обеспечит, береговую батарею расстреляет, а линейный бой ему явно не предстоит.

Собственно, после войны уцелевшие и деградировали до состояния быстроходных мониторов. Американские «Айовы» повоевали в Корее и Вьетнаме, в Ливане и Ираке именно в этом качестве. Даже появление «Томагавков» на их палубах ничего не изменило, ну получился ракетный монитор. Так ведь еще в 1950-х годах были предложены проекты перестройки этих же кораблей в ракетно-баллистические мониторы BVMG. Грустный и парадоксальный конец карьеры бывшего владыки морей...

Не совсем броненосцы и совсем не линкоры

Существует интересный вопрос: кто же на самом деле открыл Америку, но главное при этом – зачем он совершил столь мерзкий поступок? Сначала нам все было совершенно ясно: это сделал великий генуэзец Христофор Колумб в 1492 году, американцы даже праздновали День Колумба. Потом как-то незаметно начали возникать проклятые вопросы. И Колумб вроде не совсем Колумб, а Кристобаль Колон, да и не из Генуи вовсе, а откуда-то еще. И вот уже американцам приходится праздновать День Лейфа Эрикссона, который, как выяснилось, открыл Америку за 500 лет до Колумба. Впрочем, Колумба не обидели, поэтому в США 9 октября празднуют день Лейфа, а 21 октября – день Христофора, и все довольны. После этого открыватели Америки посыпались, как из дырявого мешка, но признавать их сами американцы почему-то не торопятся. Причина понятна: вы себе можете представить, чтобы в Соединенных Штатах праздновали День Чжэн Хэ?! Вот лично я никак не могу. Ладно бы еще там Жуана Кортрериала или монаха Брендана, так ведь китайцы еще и Ху Шена могут предъявить, или вообще малийский султан вдруг возникнет. В качестве уже полного бреда была выдвинута гипотеза, что Америку открыл Тамерлан во время похода на Индию, и это название произошло от его титула – амир Тимур Гураган, – то есть Амир-ака. Сами понимаете, это, безусловно, доказывает, что Америку открыли узбеки.

Примерно так же обстоит дело и с броненосцами, сиречь линкорами. Когда именно и где именно появился первый броненосный линейный корабль, с полной определенностью сказать нельзя, во всяком случае, каждый историк решает этот вопрос по-своему. Вы можете выбрать любой из понравившихся вам вариантов, мы отправляемся в небольшое путешествие в прошлое.

Остановка первая – 1859 год, в Англии заложен железный фрегат «Уорриор» с бортовой броней. Фрегатом его назвали, разумеется, только потому, что вооружение – 36 пушек – было совершенно неприличным для линейного корабля, зато водоизмещение (более 9000 тонн) вдвое превосходило водоизмещение любого деревянного линейного корабля. Французы это оспаривают, утверждая, что еще в 1858 году они заложили деревянный, но броненосный корабль «Глуар». В крайнем случае, они даже готовы отнести эту дату еще на несколько лет назад, когда во время осады Севастополя они построили несколько бронированных плавучих батарей и сумели с их помощью взять крепость Кинбурн. Однако с ними совершенно не согласны корейские историки, которые утверждают, что адмирал Ли Сун Син под руководством нашего горячо любимого вождя товарища Кобуксона... Или наоборот? Наш великий вождь товарищ Кобуксон... Ладно, короче еще в 1592 году в морском бою у острова Хансан корейцы разгромили японцев с помощью первых в мире броненосцев. То, что плоскодонка в 300 тонн просто утонет под весом брони, их совершенно не интересует. Было ценное указание «оно плавает», значит, все остальное – фальсификация истории в ущерб интересам. Японцы скромно намекают, что участвовавшие в том же сражении корабли атакэбунэ тоже могли иметь бронирование, хотя оно японцам не помогло. Но мы должны отвергнуть все эти претензии как несостоятельные. Ведь еще две тысячи лет назад Архимед построил корабль «Сиракузянка», на палубе которого были установлены железные щиты для защиты команды, значит, первый в истории броненосец построили в Сиракузах. Непонятно только, кто должен заявлять претензию на первенство. Сиракузы находятся на Сицилии, как бы Италия, но, с другой стороны, это была греческая колония, как бы Греция. Вот и решай сам.

Свои претензии выставляют и американцы. Они, разумеется, не докатились до утверждения, будто племена сиу строили броненосные каноэ, однако с гордостью заявляют, что первый в истории бой броненосных кораблей состоялся 8 марта 1862 года. С этим спорить сложно, разве что трудно назвать «Монитор» и «Вирджинию» кораблями, слишком уж они были... неморе-

ходными, что ли. Здесь мы сталкиваемся с еще одним милым примером исторического жульничества. Подавляющее большинство источников называет это столкновение боем «Монитора» с «Мерримаком», хотя «Мерримаком» назывался деревянный фрегат еще единых Соединенных Штатов, а броненосец Конфедеративных Штатов носил имя «Вирджиния». То есть USS «Merrimac» это вам совсем не CSS «Virginia», хотя вполне современные авторы Джек Грин и Алессандро Массиньяни думают иначе.

Главной же причиной появления брони на кораблях называют создание разрывных снарядов, или бомб, как их тогда называли. Но с боевым применением бомбических орудий тоже не все прозрачно ясно. Русские историки уверенно заявляют, что решающим событием стало сражение у Синопа, в котором Черноморский флот 30 ноября 1853 года уничтожил турецкую эскадру, главную роль в этом сыграли бомбические орудия Пексана. Однако они впервые были использованы в бою у Вера-Крус в Мексике еще в 1839 году. А в 1849 году датский парусный линейный корабль «Христиан VIII» имел несчастье связаться с прусской береговой батареей в Экернфюрде с печальными для себя последствиями. Но совершенно справедливо будет сказать, что именно Синоп рассеял последние сомнения – деревянные корабли не могут противостоять разрывным снарядам.

Также не до конца решен и вопрос с применением линейной тактики. Гордые адмиралы «Владычицы морей» уверенно заявляют, что это именно они первыми заложили основы главного тактического приема всех флотов на предстоящие несколько веков во время англо-голландских войн. Наверное, систематическое использование кильватерной колонны началось именно тогда, но первый пример мы можем увидеть гораздо раньше. 12 февраля 1503 года в сражении у Малабарского берега Индии знаменитый мореплаватель Васко да Гама дал классический пример использования линейной тактики. Выстроив свои корабли в кильватерную колонну, он артиллерийским огнем разгромил флотилию заморина Каликута. То есть, как это бывает всегда, концепция бронированного линейного корабля родилась не на пустом месте и не вдруг, флоты всего мира шли к ней достаточно долго.

Но все-таки вернемся к сражениям Гражданской войны в США, потому что именно они окончательно изменили характер морской войны, возврата к старому больше не было.

После начала Гражданской войны командование Конфедерации начало лихорадочно искать способ как-то нейтрализовать безусловное превосходство северян на море, так как практически весь флот остался в их распоряжении. Единственным решением было создать качественно новый корабль, который сумеет противостоять всему, что смогут выставить против него северяне, причем не только выстоять, но и победить. Промышленная слабость Юга позволяла вести речь только о единицах, но никак не о флоте. Вам это ничего не напоминает? Правильно, все новое – это хорошо забытое старое, именно такие соображения сто лет спустя подтолкнули японцев начать строительство линкоров типа «Ямато». Жаль только, что при этом они совершенно забыли, чем завершилась боевая карьера броненосцев Конфедерации и какие победы они сумели одержать.

Как ни странно, но морского министра Конфедерации Мэллори на идею создания броненосца натолкнула статья в лондонской «Таймс». В конце концов было решено перестроить в броненосец фрегат «Мерримак», доставшийся южанам в качестве трофея на верфи в Госпорте. Хотя корпус фрегата почти сторел, его машины находились в сносном состоянии, как утверждали южане. И здесь мы сталкиваемся с первым противоречием. Все, буквально все описания сражений Гражданской войны пестрят жалобами офицеров флота Конфедерации на отвратительное состояние машинных установок, причем история «Вирджинии» совсем не исключение. Как неплохое состояние машины за время перестройки корабля превратилось в ужасное в первом же бою – полная загадка.

Проект «Вирджинии» готовили сразу несколько человек, причем не подозревая о конкурентах. Во всяком случае, свои претензии заявляют Дж. Портер, Э. Мюррей, Дж. Брук и даже итальянец Джованни Кавалли. Противнику «Вирджинии» «Монитору» повезло больше – его общепризнанным отцом является Джон Эриксон. Строительство «Вирджинии» началось 11 июля 1861 года и к весне 1862 года завершилось. Получился казематный броненосец, причем стенки каземата имели наклон 36 градусов. На деревянную основу (24 дюйма дуба и сосны из нескольких слоев) были наложены два слоя железа по 2 дюйма каждый, то есть в общей сложности около 100 мм «брони». Почему мы берем это слово в кавычки? На самом деле это были катаные железные полосы шириной всего лишь 8 дюймов! Но даже для производства этой псевдоброни южанам пришлось разбирать железнодорожные пути, чтобы использовать рельсы. Для прочности слои железных полос были положены крест-накрест под прямым углом. Это дает нам все основания исключить «Вирджинию» из списка броненосцев, наверное, было бы более справедливым придумать какое-то новое название для таких кораблей. Англичане в конце XIX века начали использовать для классификации своих крейсеров термин «protected» – «защищенный», который в русском переводе превратился в бронепалубный. Может, и «Вирджинию» следовало бы отнести к «protected» кораблям? Кстати, англичане долгое время сомневались в эффективности брони именно на том основании, что провели ряд опытов по расстрелу как раз такой слоистой конструкции и получили совершенно неудовлетворительные результаты.

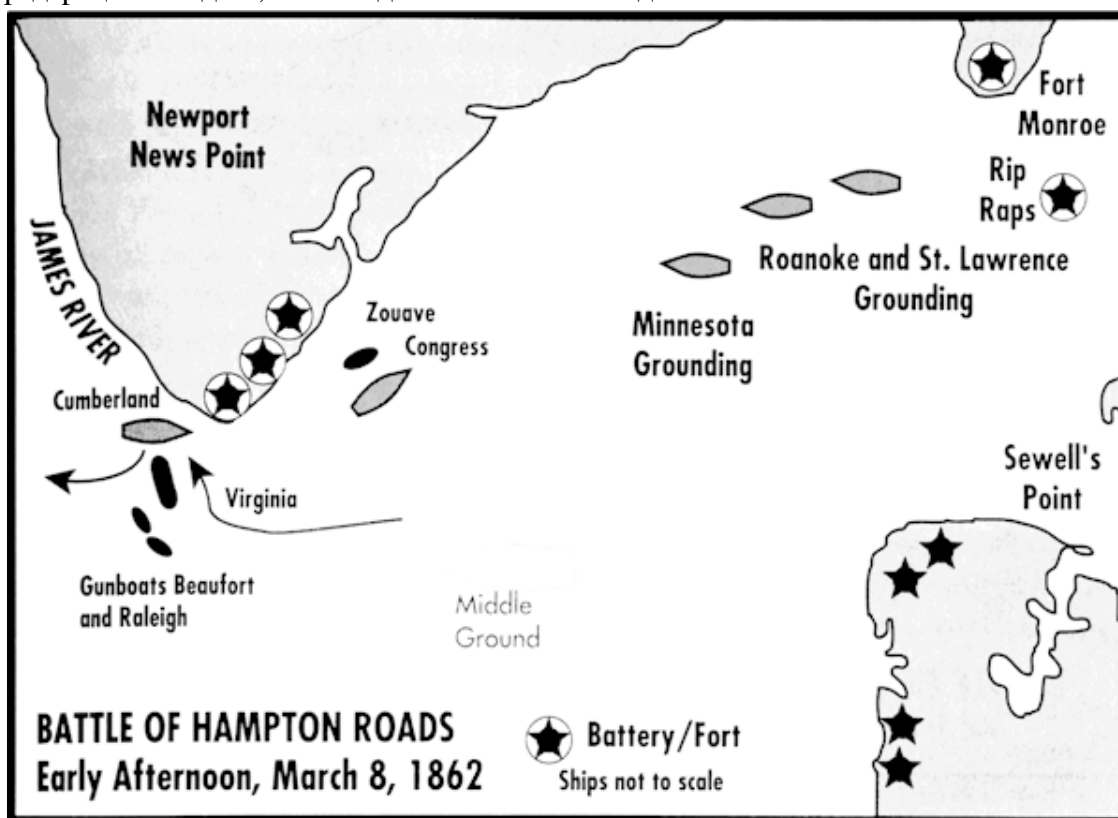
Впрочем, если мы посмотрим, что творилось по другую сторону линии фронта (хотя в те времена таковая не существовала в принципе), то обнаружим ничуть не более радостную картину. Оказывается, знаменитый «Монитор», подаривший свое имя целому классу кораблей, на самом деле был лишь немногим лучше несчастной «Вирджинии». Это прекрасный пример того, насколько бумажные характеристики корабля расходятся с реальными. На бумаге он выглядел вполне пристойно, а один из последующих кораблей класса «монитор» даже пересек Атлантику и посетил Кронштадт, ну и что из этого? В конце концов, Ален Бомбар переплыл через Атлантический океан на надувной резиновой лодке, и что, теперь наладим регулярное сообщение с Новым Светом на резинках даже без подвесного мотора?

Так вот, оказывается, что американское кораблестроение того времени находилось на незавидном уровне. Командование, а главное, правительство северян перепугалось, когда появились слухи о постройке «Вирджинии». Линкольну мерещилась ужасная картина – броненосец южан поднимается по Потوماку до Вашингтона и расстреливает в упор Белый дом. В результате был нанят Джон Эриксон, получивший задание за полгода построить корабль, способный остановить конфедератского дракона. Эриксон и построил «плот с ящиком сыра наверху», или по-русски башенный монитор с достаточно толстой броней. Да, формально «Монитор» был забронирован гораздо лучше «Вирджинии», так как толщина брони башни составляла целых 8 дюймов, но на самом деле это были 8 листов толщиной всего 1 дюйм, склепанные между собой. Разумеется, это не катаные рельсы, которые использовали южане, но немногим лучше, хотя к этому времени европейские заводы уже освоили производство крупноразмерных катаных плит толщиной до 5 дюймов. Первый командир «Монитора» лейтенант Уорден ясно изложил свои сомнения: «Если снаряд попадет в башню под острым углом, он скользнет, не причинив повреждений. Но что произойдет, когда снаряд попадет в центр башни под прямым углом, когда башня примет на себя всю силу удара? Головки болтов внутри башни могут оторваться и полетят, убивая людей при орудиях. Он также может повредить поворотный механизм, и тогда корабль полностью выйдет из строя».

Сомнения вызывало и вооружение корабля орудиями Дальгрена, которые служили объектом постоянных насмешек, напоминая по форме бутылку. Кстати, согласно теории самого Дальгрена орудие должно было заряжаться минимально необходимым количеством пороха,

чтобы снаряд все свое действие оказывал силой взрыва. Это во многом объясняет последующие события.

8 марта 1862 года примерно в 12.30 вахтенный фрегата северян «Конгресс» почтительно доложил одному из офицеров: «Я хотел бы, чтобы вы взяли подзорную трубу и посмотрели туда, сэр. Я думаю, эта штука наконец пришла». Однако он неправильно выразился. Теоретически «Вирджиния» имела скорость около 11 узлов, практические оценки не давали более 9 узлов, а в бою корабль ни разу не показал более 6 узлов. Так что более верным было бы выражение «эта штука приползла». Броненосцу (будем для простоты называть его так) потребовались 1,5 часа, чтобы добраться до блокирующей Норфолк эскадры северян. Перед самым началом боя командир «Вирджинии» Бьюкенен обратился к команде с очередным парафразом речи Нельсона: «Через несколько минут вы получите долгожданную возможность доказать вашу преданность нашему делу. Помните, что вы будете сражаться за свою страну и свои дома. Конфедерация ожидает, что каждый исполнит свой долг. По местам».

Бой «Монитора» и «Вирджинии». 9 марта 1862 г.

А потом началось то, что несколько преувеличенно назвали расправой. Любопытно, что на месте событий присутствовал нейтральный незаинтересованный свидетель – французское авизо «Гассенди», и его командир оставил наиболее точное описание боя, не замутненное патриотическим угаром ни с той, ни с другой стороны, ехидное выражение «крыша сарая с торчащей трубой» принадлежит именно ему. Первыми жертвами Бьюкенен наметил 50-пушечный фрегат «Конгресс» и 24-пушечный фрегат «Камберленд». Северяне открыли огонь, но «Вирджиния» долго на него не отвечала, и это было еще страшнее. Еще 3 фрегата попытались прийти на помощь атакованным кораблям, но сели на мель.

Есть одно объяснение тому странному факту, что деревянные корабли северян не ушли со своей стоянки. Скорее всего, дело в детских, с нынешней точки зрения, правилах морской блокады. В XIX веке главным считалось не фактически заблокировать порт, а объявить о его блокаде. И если некий корабль сумеет выскочить из порта, «блокада считается уничто-

женной», после чего блокирующая эскадра должна снова организовать балет с формальным объявлением блокады в присутствии нейтральных наблюдателей, поэтому северяне предпочли остаться на месте. Помните про французский корабль?!

Ядра северян стучали по броне «Вирджинии», и лишь через час конфедераты дали первый выстрел, подойдя на дистанцию 300 ярдов к «Камберленду». Почему-то Бьюкенен решил, что это более опасный противник, поэтому следует побыстрее покончить с ним, а наилучшее средство для этого таран. «Вирджиния» устремилась прямо на фрегат, и от сильного удара он чуть не опрокинулся на противоположный борт. При этом таран – литая болванка весом 1500 фн, приделанная к форштевню, – застрял в пробоине, и «Вирджиния» сначала не смогла освободиться. Речным течением ее развернуло и прижало к борту «Камберленда», но потом таран просто обломился, и броненосец получил свободу. Пока шла эта возня, фрегат успел дать три бортовых залпа практически в упор.

Интересно, что даже при описании столь простого боя наблюдаются расхождения в сведениях сторон. Офицеры «Камберленда» утверждают, что броненосец таранил их фрегат два раза, конфедераты вторую попытку категорически отрицают.

Затем конфедераты, оставив «Камберленд» тонуть, перенесли свое внимание на «Конгресс». Командир совершенно намеренно посадил свой фрегат на мель, чтобы избежать тарана. Тогда «Вирджиния» подошла на расстояние около 150 ярдов и начала расстреливать его, подрабатывая машинами, чтобы удержаться на месте. Сейчас мы зададим чисто риторический вопрос: какой вклад в развитие военно-морского искусства мог внести такой бой?! Единственная его польза – практическая проверка эффективности броневой защиты, но ведь ее проверили еще 10 лет назад под Кинбурном. Примерно через час фрегат поднял белый флаг, и канонерки южан направились было к нему, чтобы снять команду и сжечь корабль. Однако береговые батареи северян отогнали их, командовавший батареями генерал Мэнсфилд грохнул: «Я знаю, что этот хренов корабль сдался, но мы-то нет!» Взбешенный Бьюкенен приказал дать еще несколько залпов по фрегату, но это не изменило ситуации. Более того, злость подвела командира «Вирджинии», он вылез наверх с винтовкой в руках, чтобы лично сделать несколько выстрелов по «предателям», и сам получил пулю в бедро. Когда «Вирджиния» отошла подальше, «Конгресс» снова поднял боевой флаг, но это его не спасло. На фрегате бушевал такой сильный пожар, что погасить его не удалось, и около полуночи «Конгресс» взорвался.

Следующей жертвой был выбран фрегат «Миннесота», однако он мало того, что сидел на мели, его командир во время перестрелки с «Вирджинией» постарался загнать корабль еще подальше в ил. Поэтому дуэль велась на дальней дистанции – около одной мили, что сильно мешало южанам. Из-за маленьких размеров оружейных портов броненосец не мог придать орудиям нужный угол возвышения.

Результаты этого боя вызвали приступ паники в Вашингтоне, однако она была совершенно безосновательной. Уже опыт перехода «Монитора» показал, что речные самоходные батареи абсолютно непригодны для действий даже в прибрежных водах. Дважды корабль находился на грани гибели, «вода водопадом хлестала во все щели», и его командир лейтенант Уорден даже приказал кораблю сопровождения держаться вплотную, чтобы снять команду в случае катастрофы, а мореходность «Вирджинии» была ничуть не выше. Поэтому будем считать за веселые шутки произведения замечательных фантастов А. Громова и Г. Гаррисона, которые описывали героические подвиги таких кораблей на океанских просторах. У первого «Супер-Вирджиния» сражалась с русскими где-то в районе Оркнейских островов, а у второго монитора прикрывали высадку американского десанта в Ирландии. Ну любят фантасты пошутить, что с них возьмешь!

Мы немножко отвлеклись, бой с деревянными кораблями оказался не таким уж безопасным. Выломанный таран открыл течь в носовом отсеке, при выстрелах разорвало два орудия, а

многочисленные попадания хоть и не пробили броню, но расшатали крепления, вдобавок был ранен Бьюкенен.

Поэтому, когда на следующий день к Норфолку прибыл «Монитор», броненосец южан находился в не самом лучшем состоянии. Однако южане были совершенно уверены в успехе, и «Вирджиния» под командованием лейтенанта Джонса двинулась ему навстречу. Помощнику механика «Вирджинии» Элсбери Уайту принадлежит наиболее часто цитируемое описание «Монитора»: «На этот раз мы увидели столб дыма с противоположного борта «Миннесоты», а потом появился самый необычный в мире корабль. В подзорные трубы мы увидели броненосец с заостренным носом и кормой, почти полностью погруженный в воду. Посреди корабля стояла башня с орудийными портами, пока мы смотрели, она начала поворачиваться, пока орудия не уставились прямо на нас. Он напоминал ящик сыра на плоту».

Началась безрезультатная перестрелка, дистанция менялась от 0 до 300 ярдов, но в среднем составляла около 200 ярдов. Снаряды с грохотом ударялись о броню противников и отскакивали в воду. Детально описывать происходившее далее нет никакой необходимости. Попытки Джонса таранить противника были безуспешными из-за более высокой скорости и маневренности «Монитора», более того, он ухитрился воткнуть нос «Вирджинии» в илистую отмель, что позволило северянам дать несколько выстрелов в упор, которые так и не пробили броню, хотя деревянная подкладка растрескалась в местах попаданий. Единственным материальным свидетельством попыток тарана стали несколько щепок, застрявших в обшивке «Монитора».

Самые большие повреждения «Вирджинии» причинили два снаряда, выпущенных в упор и попавших в кормовую часть каземата. Они вдавили рельсы на глубину около 3 дюймов, но тем и закончилось. Утверждение, что следующее попадание в это место пробило бы каземат, остается неподтвержденным. Самым большим повреждением «Монитора» стала помятая железная решетка, прикрывавшая сверху командирскую рубку. Единственным реальным результатом боя, длившегося с 8.30 до 12.30, стало тяжелое повреждение шальным снарядом «Вирджинии» буксира северян «Дрэгон», который пытался стащить с мели все ту же самую «Миннесоту».

Всего «Монитор» за это время выпустил 41 снаряд, что означало 1 выстрел в 12 минут, не слишком много. 20 снарядов попали в цель, о повреждениях «Вирджинии» мы уже говорили, после 2 дней боя в ее броне насчитали 97 вмятин. Конфедераты за те же 2 дня боя израсходовали 529 снарядов, «Монитор» получил 22 попадания также с почти нулевыми результатами. Цилиндро-конические снаряды нарезных орудий «Вирджинии» делали выбоины глубиной 4 дюйма в башне «Монитора», но пробить ее не сумели.

Итоги боя в то время оценили по-разному по обе стороны Атлантики. Северяне, восхищенные успехами «Монитора», развернули поточное строительство аналогичных кораблей, наштамповав их за годы войны более 80 штук. Южане были бы и рады начать массовое строительство броненосцев, однако не имели для этого возможностей, потому для борьбы с броненосными кораблями противника они начали изобретать новые средства, которые позднее получили самое широкое распространение во всех флотах. Шестовые мины, якорные мины, подводные лодки – все это делает честь изобретательности конфедератов, хотя во многом причиной тому было просто отчаяние.

Кроме того, начались поиски решения проблемы брони. Северяне пошли путем механического наращивания калибра орудий, на новых мониторах вместо 279-мм орудий появились 381-мм, но это были все те же самые пушки Дальгрена. Максимум, что смогли сделать южане – запастись закаленными снарядами для нарезных орудий, но состояние промышленности Конфедерации лучше всего характеризует то, что, когда 28 марта «Вирджиния» выползла из порта после ремонта, она имела всего лишь 20 таких снарядов.

Кстати, самое смешное, что во время этого выхода северяне отказались принимать бой с броненосцем конфедератов, хотя в составе блокадной эскадры по-прежнему находился «Монитор».

В Европе реакция была более сдержанной. Мы, разумеется, не говорим о газетах, те разразились крикливыми статьями, сообщая о похоронах деревянного флота. Увы, с этим сообщением журналисты опоздали на 10 лет, похороны состоялись после Синопского сражения, сейчас состоялась стычка бронированного корабля с отжившими свое деревянными. Кстати, с не очень убедительным результатом. А между тем во всем мире к этому времени уже были построены более 100 различных броненосных кораблей, причем в это число входили и настоящие мореходные броненосцы. И пусть говорят, что в других странах началось увлечение мониторами, это совершенно не так. Те же англичане побаловались, переоборудовав деревянный линейный корабль «Ройял Соверен» в башенный монитор, построили железный монитор «Принс Альберт», но на том все и закончилось. Между прочим, даже эти корабли имели высоту борта заметно выше, чем у американских родичей. Другое дело, что этот бой привлек внимание к башенным конструкциям, но те же англичане начали эксперименты с более совершенными башнями системы Кольза еще два года назад. Французский флот вообще благополучно обошелся без мониторов, хотя позднее построил несколько броненосцев береговой обороны. В общем, на европейских адмиралов «Монитор» впечатления не произвел, они предпочитали мореходные корабли, разве что русские неведомо зачем построили серию башенных канонеров, пригодных в пределах Маркизовой лужи и Транзундского рейда.

Кроме того, европейские конструкторы и адмиралы ни в грош не ставили слоистую броню американских кораблей, считая плиты своих броненосцев в несколько раз более прочными.

Сейчас нам остается лишь кратко упомянуть о некоторых других примечательных эпизодах Гражданской войны в США с участием броненосных кораблей. Конфедераты построили еще несколько казематных броненосцев по типу «Вирджинии», но на их долю выпало еще меньше успехов. В Саванне в броненосец «Атланта» был переоборудован прорыватель блокады «Фингал». Конструкция каземата полностью повторяла конструкцию «Вирджинии», но ему пришлось столкнуться с гораздо более сильным противником. Северяне выслали против этого броненосца мониторы «Уихокен» и «Нехент», вооруженные 381-мм орудиями. Состоявшийся бой оказался рекордно коротким, он длился всего 15 минут. «Атланта» сделала 8 выстрелов, ни разу не попав в цель, мониторы северян сделали 5 выстрелов. 3 снаряда попали в корабль конфедератов, без труда проломив импровизированную защиту, этим снарядам катаные рельсы противостоять не могли. «Атланта» выбросила белый флаг. В Роаноке был построен маленький броненосец «Албемарл», вооруженный всего двумя 100-фн орудиями. Однако северяне уничтожили его с помощью баркаса, вооруженного шестовой миной. Но и северяне потеряли несколько мониторов – на минах подорвались «Пассаик», «Текумзе» и «Милуоки». И еще в шторм в декабре 1862 года погиб – поистине, от судьбы не уйдешь! – «Монитор».

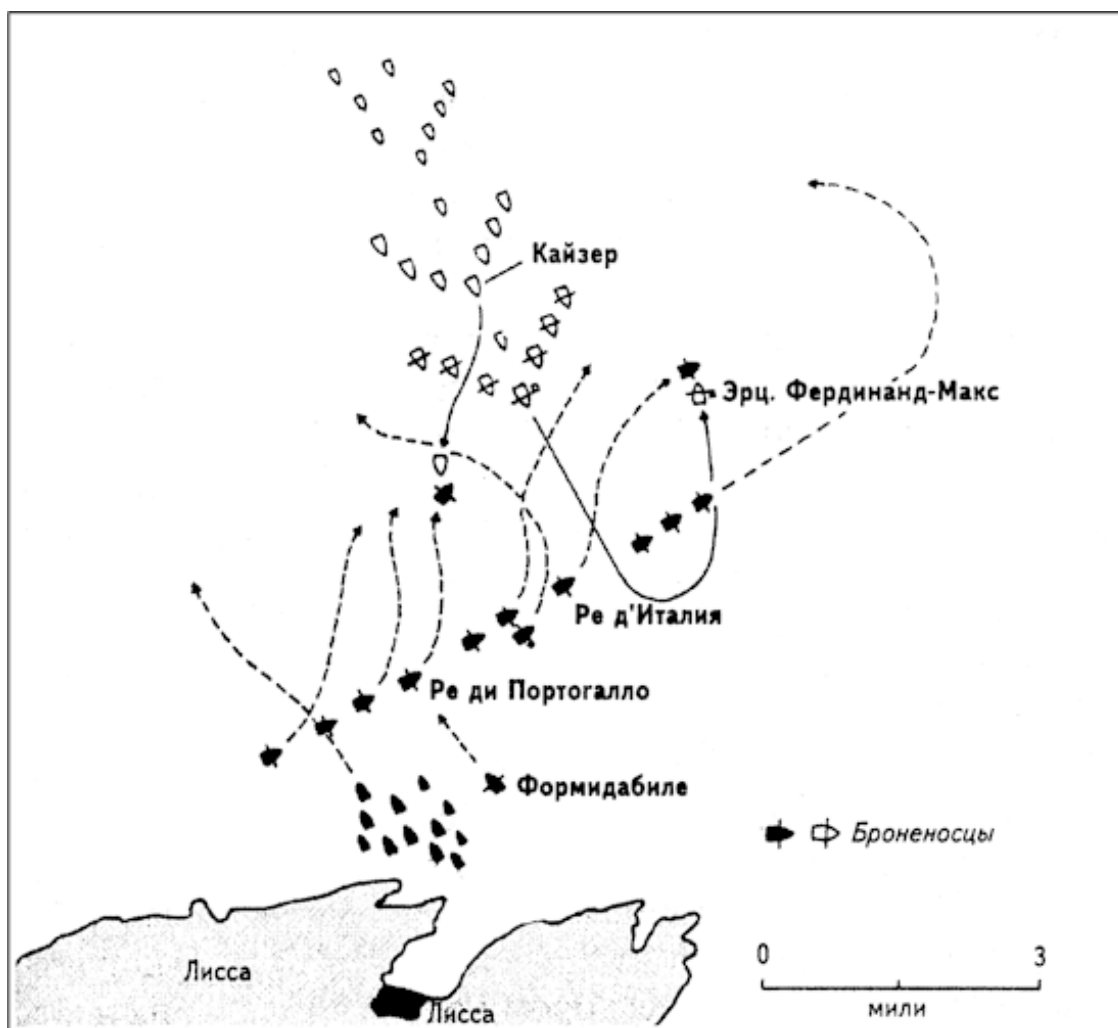
Главный результат событий 1854–1864 годов был замечен далеко не всеми, хотя наиболее прозорливые аналитики сразу сказали: время старого флота закончилось. Если деревянные корабли могли строить любые страны, то теперь страны, в которых еще не произошла промышленная революция, моментально оказались на обочине. Во время наполеоновских войн Испания располагала мощным флотом, а теперь ей приходилось заказывать корабли в Англии. Очень показательны для флота, некогда оспаривавшего у тех же англичан господство на морях. Еще раз повторим – бои Гражданской войны в США можно было считать лишь проверкой качества брони и первым раундом состязания между снарядом и броней, причем за два года войны в роли победителя успели побывать оба.

Пагубное влияние

Мало кто из нынешних историков правильно оценивает значение сражения у острова Лисса в 1866 году, и уж совершенно точно, не сумели сделать это современники. Почему-то почти никто не интересуется событиями, происходившими перед боем и обусловившими именно такое соотношение сил, которое вынудило австрийского командующего адмирала Тегетгоффа избрать именно такую тактику. В лучшем случае нам предлагают восхититься действиями австрийцев, одержавших свою первую и последнюю победу на море, но категорически отказываются видеть те роковые последствия, которые имела эта победа для развития флотов.

Сражение при Лиссе было первым сражением броненосных флотов нового времени. Все столкновения, имевшие место в ходе Гражданской войны в США, на подобное определение претендовать не могут и по многим причинам, хотя американцы будут с пеной у рта доказывать, что родиной слона безусловно является штат Пенсильвания. Однако все эти стычки происходили либо в устьях рек, либо на закрытых рейдах, участвовали в них корабли, которым выходить в море было заказано по определению. Ни мониторы северян, ни казематные батареи южан на звание линейного корабля претендовать не могут, а если вспомнить, что со стороны конфедератов во всех стычках участвовало по 1 (прописью – одному) кораблю, то даже боем это назвать язык не поворачивается. Стычка, она стычка и есть, никак не больше. Бронирование этих любопытных инженерных сооружений у европейских инженеров вызывало лишь жалостливую усмешку. Вот и получается, что именно бой при Лиссе стал первым в истории сражением броненосных флотов, хотя даже он получился довольно странным.

Для того чтобы лучше понять состояние австрийского флота к началу «Семинедельной войны», нам придется обратиться к работам Лоренса Сандхауса, временно отложив в сторону хорошо известный, но несколько легкомысленный справочник Конвея. В 1862 году, после знаменитого боя на Хэмптонском рейде, австрийцы приступили к строительству броненосного флота. Однако с самого начала этому мешала откровенная слабость австрийской промышленности, неспособной обеспечить корабли ни броней, ни артиллерией, хорошо еще, хватало верфей Триеста и Пола. Хотя к этому времени Англия, Франция и другие державы перешли к строительству железных кораблей, австрийцы были вынуждены строить деревянные броненосцы. Хотя часть брони действительно была сделана из «прекрасного штирийского железа» заводов в Цельтвеге и Селье, австрийцам приходилось импортировать броню из Франции, так как своей не хватало. Особую пикантность этим поставкам придает то, что они являлись чистой воды контрабандой – Наполеон III запретил экспорт брони из Франции, австрийцы сумели частично обойти запрет, но массовых размеров эти поставки не приняли, наверное, поэтому на броненосце «Дон Хуан де Аустрия» и не хватало части брони. Гораздо более известна история с недопоставленными крупновскими орудиями для броненосцев «Фердинанд Макс» и «Габсбург», в результате чего броненосцы пришлось вооружить 48-фн гладкоствольными пушками. Однако практически все авторы умалчивают о том, какие именно орудия задержали у себя пруссаки, а ведь это были все те же самые 48-фн орудия, только нарезные, то есть мощь броненосцев могла повыситься совсем незначительно. Уже Гражданская война в США показала, что подобные орудия практически бесполезны против броненосных кораблей, английский флот уже перешел к гораздо более тяжелым 100-фн орудиям, но австрийцы медлили. Идеальной целью для австрийских броненосцев могли быть только деревянные корабли, хотя Тегетгофф уже после сражения при Лиссе написал: «В американской Гражданской войне деревянные корабли уже использовались успешно против броненосцев, как это было при Мобиле. В битве при Лиссе австрийский флот снова доказал, что это можно делать безопасно».

Сражение у о. Лиссы. 20 июля 1866 г.

В общем, слабость австрийской артиллерии была совершенно очевидной, и Тегетгофф ее прекрасно осознавал, его тактика таранного удара была predetermined задолго до объявления войны. Впрочем, у итальянцев имелась масса собственных проблем. Есть высказывание одного из английских адмиралов, которое я, к сожалению, не помню дословно, но приблизительно оно звучит так: «Тысяча кораблей и миллион моряков еще не флот». Самой блестящей иллюстрацией к этой фразе являются итальянские военно-морские «силы» в 1866 году. Вроде бы у итальянцев имелось все – и броненосцы, пусть не лучшие, но явно сильнее австрийских, и моряки, худо ли, хорошо ли, но подготовленные, и адмиралы, каждый из которых успел отличиться в войнах прошлого. Имелось все – кроме флота. Поэтому результат сражения у Лиссы не должен нас удивлять, все получилось именно так, как и должно было получиться.

Австрия начала готовиться к войне против Италии еще в апреле 1866 года, а в мае командующим флотом был назначен адмирал Тегетгофф. Специфическая австрийская особенность – и флот, и его командующий подчинялись эрцгерцогу Альбрехту, командующему Южной армией. В распоряжении адмирала имелось 7 батарейных броненосцев и множество всякого мелкого военно-морского сброда, возглавляемого деревянным парусно-паровым линейным кораблем «Кайзер». Откровенная слабость эскадры вынудила Тегетгоффа таскать с собой все, даже самые мелкие канонерки.

Итальянцам было относительно легче, им было из чего выбирать, так как в распоряжении морского министерства к маю 1866 года числились 69 паровых и 75 парусных кораблей,

и для формирования действующего флота были отобраны лишь 30. Вооружение итальянцев было сильнее, так как его основу составляли 160-мм нарезные скрепленные орудия, крупнокалиберные можно было пересчитать по пальцам, но итальянский флот все равно превосходил противника, так как у австрийцев и считать было нечего. Ко дню сражения командующий флотом адмирал Персано имел 12 броненосцев, парусная эскадра вице-адмирала Альбини состояла из 7 фрегатов, ну а далее шла та же самая мелочь, что у австрийцев.

В общем, к войне подготовились кто как мог, но тут возник очень серьезный вопрос: а что, собственно, должны делать флоты противников? Никаких осмысленных задач перед адмиралами командование поставить не могло, такова была специфика театра. Закрытое Адриатическое море, через которое не проходят никакие крупные коммуникации, крайне неблагоприятно в этом отношении. Да, можно было попытаться воевать по правилам классической морской войны и постараться захватить господство на море. Но что потом делать с этим самым господством? Высадить куда-нибудь какой-нибудь десант? В конечном итоге к этому и свелось, но даже захвати итальянцы остров Лисса, какой в том был прок?

Война была объявлена 17 июня, и Тегетгофф постарался сразу взять инициативу в свои руки, 27 июня его флот подошел к Анконе и обстрелял ее. После этого австрийцы демонстративно начали крейсировать в виду берега, ожидая, что итальянцы примут-таки вызов. Не дождались. Адмирал Персано проявил фантастическую изобретательность, находя все новые и новые причины, мешающие ему выйти в море, вплоть до нехватки целых 12 подозрных труб.

Боевые действия на суше развивались неблагоприятно для итальянцев, и если бы не участие в этой войне еще и Пруссии, все завершилось бы крайне плохо. Поэтому итальянское командование решило компенсировать отсутствие успехов на земле хоть какими-нибудь победами на море. От Персано потребовали атаковать австрийский флот и загнать его в Полу, чтобы получить господство на море, но адмирал упорно не поддавался на провокации политиков, ведь самый сильный корабль итальянского флота броненосный таран «Аффондаторе» лишь 28 июня прошел Гибралтар и пока еще не прибыл в Анкону. Кстати, австрийцы могли бы попытаться перехватить его на переходе, но уж слишком далеко от Отрантского пролива находилась главная база австрийского флота Пола.

И тем не менее, понукаемый со всех сторон, 8 июля Персано был вынужден выйти в море. Его флот бесцельно крутился посреди Адриатики, старательно избегая даже намек на опасность. Тегетгофф, хотя и знал об этом, в море не вышел, и причины его сдержанности до сих пор остаются необъясненными, австрийский адмирал невозмутимо продолжал готовить свой флот к решающему сражению. В качестве главного оружия он вынужденно выбрал таран, хотя сейчас историки обвиняют его в подражательстве Фаррагату. Вообще-то речные стычки Гражданской войны в США действительно наложили серьезный отпечаток на действия австрийцев, которые воевали в открытом море, и нельзя считать это положительным моментом. К тому же Тегетгофф, явно заблуждаясь, писал: «В американской Гражданской войне деревянные корабли уже успешно использовались против броненосцев, как это было в бухте Мобил, и в бою у Лиссы австрийский флот снова доказал, что это можно сделать безопасно».

Тем временем война благополучно катилась к завершению (в западной литературе ее иногда называют Семинедельной, то есть боевые действия не затянулись и на два месяца), уже начались переговоры при посредничестве Франции. Оба флота пока еще ничем себя не показали, впрочем, сие не слишком удивительно. Дело закончилось тем, что вернувшийся в Анкону после бессмысленного вояжа флот Персано встретил сам морской министр Италии Агостино Депретис. Ему дали полномочия попросту расстрелять адмирала, но министр решил все-таки сначала переговорить с командующим и его подчиненными. Все адмиралы дружно высказались против сверхосторожной стратегии Персано и обвинили его в трусости, о чем им напомнили буквально через пару недель.

В результате Депретис ультимативно потребовал от Персано атаковать остров Лисса, часть подчиненных Персано поддержала эту идею, но адмирал Альбини высказался против. А тут еще появились те самые слухи о французском посредничестве. Короче, все превратилось в стандартную военную операцию, проведенную под нажимом политиков, и кончилось только так, как и могло кончиться, вне зависимости от того, плох был Персано или очень плох.

16 июля итальянский флот покинул Анкону – 11 броненосцев, 7 деревянных кораблей, 3 канонерки и 7 пароходов. Вечером 17 июля Персано отдал приказ по флоту: броненосцы делятся на три группы, которые обстреливают Сан-Джорджо и Комизо, деревянные корабли обстреливают Манего. Персано категорически запретил использовать стальные снаряды, их следовало беречь для вероятного боя с австрийским флотом.

Обстрел начался утром 18 июля, однако итальянцы вели его довольно вяло, и при первом же удобном случае обстрел Комизо и Манего был прекращен. Главные силы флота под командованием самого Персано обстреливали батареи вокруг Сан-Джорджо и добились некоторого успеха, потому что в присутствии командующего никто из командиров не осмелился отступить. Было взорвано несколько пороховых погребов, и ответный огонь австрийцев ослабел. Броненосцы снова доказали свою относительную неуязвимость, так как за целый день артиллерийской дуэли на всех итальянских кораблях погибли всего 7 человек.

Тем временем Тегетгофф получил сообщение о происходящем и 19 июля вывел свой флот в море. Итальянцы провели этот день, продолжая обстрел батарей, израсходовав массу снарядов. Но когда Персано приказал высадить десант, вице-адмирал Альбини отказался исполнить приказ, сославшись на сильный прибой. Тем временем Персано получил долгожданное подкрепление – прибыл «Аффондаторе», хотя, наверное, имело смысл не сразу бросать корабль в бой. К вечеру 19 июля погода заметно испортилась, юго-восточный ветер был настолько силен, что даже у подветренного берега острова шла сильная волна. Контр-адмирал Вакка даже прибыл к Персано, чтобы убедить его вернуться в Анкону. Персано отказался.

Утром 20 июля прибыл колесный транспорт «Пиемонте», который доставил еще 500 морских пехотинцев, после чего у Альбини уже не осталось поводов саботировать приказ, и он приступил к высадке десанта, тем более что погода внезапно улучшилась, выглянуло солнце. Однако в 7.50 из дождевого шквала вынырнул примчавшийся с севера быстроходный разведчик «Эсплораторе» и сообщил: «Вижу подозрительные корабли».

Итальянский флот был застигнут в самый неподходящий момент, его корабли были разбросаны вокруг всего острова Лисса, «Террибле» и «Варезе» вообще находились у противоположного берега. «Формидабле» занимался передачей раненых на транспорты, да к тому же корабль получил такие повреждения, что вообще в бою не участвовал. Таким образом, численное превосходство итальянцев заметно сократилось.

Австрийцы приближались с более чем умеренной скоростью 5,5 узла, так как волнение становилось все сильнее. Тегетгофф выстроил свои корабли строем клина, точнее трех клиньев. Первыми шли броненосцы с флагманским «Фердинандом Максом» во главе, далее шли деревянные корабли, третий и самый последний клин образовали канонерки. Смысл такого решения австрийского командующего остается непонятным. Если итальянцам для высадки десанта канонерки действительно были нужны, то зачем их взял Тегетгофф? Никакой реальной помощи в сражении его броненосцам они оказать не могли и не оказали, и прояви итальянцы хоть каплю решимости, они смогли бы легко уничтожить эти слабые корабли. В общей сложности под командованием Тегетгоффа находилось 7 броненосцев и 20 небронированных кораблей общим водоизмещением 57 300 тонн, вооруженных 532 орудиями, численность их экипажей составляла 7870 человек. Итальянский флот состоял из 12 броненосцев, 11 больших

и 8 малых небронированных кораблей общим водоизмещением 86 000 тонн. Они были вооружены 645 орудиями, а численность итальянских экипажей составляла 10 900 человек.

Впервые австрийцы заметили противника в 7.00, но из-за дождя потеряли итальянцев из вида на 2 часа. Когда корабли Тегетгоффа в 10.00 вышли из полосы тумана, они обнаружили, что итальянский флот сосредотачивается севернее острова. Слишком маленькая скорость австрийцев лишила их шанса использовать фактор внезапности. Но Тегетгофф не колебался, в 10.35 он отдал приказ: «Броненосцам атаковать противника и потопить его». Правда, любители красивых фраз утверждают, что австрийский адмирал высказался более афористично: «Тараньте все серое!» – на том основании, что итальянские корабли были окрашены в серый цвет, тогда как австрийские в черный. План Тегетгоффа, который он довел до всех своих командиров, был прост: прорвать вражескую линию, тараня все, что попадется на пути, а потом сосредоточить усилия на уничтожении отрезанной части флота. От пресловутой линейной тактики не осталось и следа!

Персано лихорадочно пытался собрать свой флот. Альбини получил приказ прекратить высадку и держать свои фрегаты в 3000 метров от броненосцев. «Террибле» и «Варезе» были спешно отозваны из бухты Комизо, «Кастельфидардо» и «Ре ди Портогалло» занялись аварийным ремонтом машин – тоже свежее слово в военно-морском искусстве: начинать ремонт при появлении неприятеля, канонерки второпях забирали обратно высаженных десантников. Кое-как Персано выстроил кильватерную колонну, недосчитавшись еще одного корабля. По неизвестной причине «Террибле» присоединился к деревянным фрегатам Альбини и в бою не участвовал, как и сами корабли Альбини. «Формидабле» вообще отправился в Анкону ремонтировать повреждения, а «Варезе» хотя и пристроился к колонне, держался на заметном расстоянии от концевого броненосца. В итальянской колонне имелось три разрыва: первые 3 броненосца адмирала Вакка, затем 4 броненосца самого Персано, еще 2 корабля и замыкающий «Варезе». В результате к началу боя Персано имел всего 8 броненосцев против 7 австрийских!

В 10.43 прогремел первый выстрел, когда «Принципе де Кариньяно» открыл огонь с дистанции 1000 метров. Но в самый неподходящий момент Персано пришла в голову мысль еще более увеличить бардак, перенеся свой флаг с броненосца «Ре д'Италия» на «Аффондаторе», судя по всему, итальянского адмирала очаровала его грозная внешность и грозное имя: «Аффондаторе» – «Топитель». Эта процедура лишила итальянский флот управления в самый критический момент, причем ни итальянцы, ни австрийцы не подозревали о том, что адмирал сменил корабль, вдобавок Персано вывел «Аффондаторе» из линии, еще больше расширив разрыв. Сам адмирал объяснял это так: «Я был убежден, что должен занять положение вне линии на быстроходном броненосце, чтобы иметь возможность броситься в самое жаркое место боя или иметь возможность довести нужные приказы до различных частей эскадры и руководить их маневрами, если потребуется». Правда, он не учел, что «Аффондаторе» имеет куцые мачты, совершенно не приспособленные для производства сигналов.

И как раз в это время Тегетгофф приказал увеличить скорость до 10 узлов, и австрийский клин случайно или намеренно врезался в разрыв между кораблями Вакка и Персано. Ничего иного австрийский командующий сделать не мог, так как принятый им строй совершенно исключал маневрирование, так откровенная глупость Персано разрушила первую часть плана Тегетгоффа. Основная группа итальянских броненосцев повернула чуть влево, чтобы атаковать австрийские деревянные корабли, но те, в свою очередь, повернули на замыкающие итальянские броненосцы. Оба строя развалились, и бой превратился в беспорядочную свалку. Кстати, позднее высказывалось мнение, что Тегетгоффу следовало принять более простой строй фронта.

А вот этот эпизод следует рассмотреть немного подробнее. Уже несколько веков считалось аксиомой, что линейные корабли сражаются в строю кильватерных колонн. Адмирал Персано пытался сделать именно это, что с учетом превосходства итальянцев в качестве артилле-

рии было вполне разумно, но Тегетгофф под влиянием обстоятельств избрал иную тактику. Вам общая картина сражения у Лиссы ничего не напоминает? Правильно, битва у мыса Эконом, Первая Пуническая война, и действия Тегетгоффа идеально повторяют маневры консула Аттилия Регула. А поскольку Тегетгофф победил, получилось, что он, сам того не желая, отбросил военно-морскую тактику на две тысячи лет назад. Просто удивляет легковёрность вроде бы умных людей, которые без долгих размышлений делали глубокие выводы без должного анализа. А ведь еще во времена того же Регула было сказано: «*De omnibus dubitandum*» – «Все подвергая сомнению».

Корабли противников беспорядочно маневрировали в клубах густого дыма, обмениваясь залпами с малой дистанции. Австрийские броненосцы сумели нанести удары «Ре д'Италия» и «Палестро», однако они пришились вскользь и вреда не причинили. «Аффондаторе» несколько раз пытался таранить австрийские корабли, но это ему не удалось, попытки тарана движущегося и маневрирующего противника оказались гораздо более сложными, чем представлялось ранее. Во всяком случае, парусный линейный корабль «Кайзер» не только дважды увернулся от броненосного тарана, но при этом ухитрился разворотить ему надстройки бортовым залпом. Не опасно, зато очень обидно. А после этого сам «Кайзер» протаранил «Ре ди Портогалло», оставив в борту броненосца свою носовую статую, фок-мачта «Кайзера» слетела за борт. Сходство с боем древних трирем становилось все сильнее. При этом деревянный корабль, получив залпы сначала с «Ре ди Портогалло», а потом с «Мария Пиа», был серьезно поврежден, но и только. Небольшой пожар был быстро потушен. Два итальянских броненосца совместными усилиями так и не сумели расстрелять деревянную конструкцию, интересно, что в 1869 году после тщательного обследования его начали перестраивать в броненосец с центральной батареей. Наверное, следовало сделать это гораздо раньше.

Теперь на сцене рискнул появиться «Террибле», оторвавшийся от фрегатов Альбини, он даже осмелился дать по «Кайзеру» пару залпов с предельного расстояния. И все-таки, несмотря на отвратительную стрельбу итальянцев, парусный линкор был бы обречен, но сначала его отход прикрыли австрийские канонерки, а потом вmeshались броненосцы «Дон Хуан де Аустрия» и «Принц Ойген». «Аффондаторе» всадил три 300-фн снаряда в «Дон Хуан де Аустрия», в результате чего на том просто отвалились несколько броневых плит. Если бы итальянцы действовали так с самого начала...

Однако они действовали совсем иначе, отрезанные броненосцы адмирала Вакка попытались было атаковать австрийские деревянные корабли, но были отогнаны их огнем. За это адмирала после боя подвергли жестокой критике, однако сложно определить, кто именно из итальянских адмиралов более повинен в поражении, один другого стоил.

Тем временем австрийские парусные корабли под командованием коммодора Петца направились на юг, чтобы атаковать отряд Альбини, но по дороге налетели на концевые итальянские броненосцы, завязалась третья отдельная схватка.

Корабли итальянского авангарда просто вышли из боя, и Тегетгофф смог сосредоточить свои усилия на борьбе с броненосцами центра. Численное превосходство перешло к австрийцам! «Фердинанд Макс» дважды пытался таранить итальянцев, но каждый раз промахивался. В конце концов 4 австрийских броненосца окружили «Ре д'Италия», считая его флагманом, и попытались его таранить, снова их попытки провалились. На помощь своему лжефлагману бросился броненосец «Палестро», однако сосредоточенным огнем его отогнали. «Фердинанд Макс» попытался таранить и его, но, разумеется, промахнулся. Однако один из снарядов броненосца «Драхе» вызвал пожар на «Палестро» – вспыхнул запасной уголь, валяющийся на палубе. Это вынудило броненосец отступить. Кстати, огромные сомнения вызывает утверждение известного историка Х. Вильсона, будто австрийцы использовали каленые ядра. Это в эпоху разрывных бомб и стальных снарядов!

Примерно в 11.30 Петц решил, что с него хватит, выстроил свои корабли в кильватерную колонну и направился к порту Сан-Джорджо. Если бы только Альбини не предпочел соблюдать нейтралитет, он мог бы уничтожить этот отряд. Главной заслугой Петца было то, что он не позволил итальянскому арьергарду прийти на помощь основной группе броненосцев. А после ухода итальянского авангарда оказалось, что Тегетгофф имеет двойное превосходство!

Тем временем произошел один из тех невероятных случаев, на которые столь богата история линейного корабля. Кажется, именно в этом сражении впервые проявился фактор «золотой пули». «Ре д'Италия» получил роковое попадание, которым было выведено из строя рулевое управление, после этого он стал легкой добычей для австрийцев, рвавшихся на таран. В боевом дневнике «Фердинанда Макса» имеется следующая запись: «Бой с вражескими броненосцами продолжался, когда в 11.30 мы сумели, двигаясь полным ходом, протаранить большой вражеский корабль, пересекавший наш курс. Удар пришелся в скулу возле фок-мачты. Вражеский корабль качнулся в обратную сторону, а через полторы минуты после удара затонул».

Итальянцы, разумеется, представляют все это в виде героической саги об отважных воинах. Правда, они не рассказывают, каким образом бывший флагман оказался один против пяти австрийских броненосцев. Лейтенант Энрико Гальтерио, один из спасшихся членов экипажа «Ре д'Италия», рассказывает: «Относительно гибели корабля я думаю, что главной и единственной причиной было уничтожение уязвимого руля, который был оторван вражескими выстрелами. Так как мы лишились управления, то были отрезаны от нашего флота... Мы попытались на полном ходу уйти от удара броненосца, который нацелился на нас прямо в середину корпуса, но в результате подставились другому, шедшему спереди. Мы дали задний ход, чтобы хоть как-то двигаться, но в результате просто остановили корабль».

Корабль затонул с поднятыми флагами, офицер Рацетти с саблей в руках отгонял моряков, пытавшихся спустить флаг. После удара мы дали бортовой залп, а матросы abordажной партии вместе с теми, кто находился на мачтах, в последний раз выстрелили из личного оружия. Экипаж прыгал за борт без воплей и замешательства. Когда мы уже были в воде, с австрийской канонерки дали по нам несколько выстрелов из винтовок, которыми были ранены два моряка и убиты еще два».

После удара «Фердинанда Макса» в борту «Ре д'Италия» образовалась огромная пробоина. В тот момент, когда австрийский броненосец пытался вытащить свой таран из борта «Ре д'Италия», итальянский броненосец «Анкона» попытался таранить его, но промахнулся, зато он столкнулся с пылающим «Варезе», на котором в результате удара были смещены плиты броневоего пояса. Очень странно, что Тегетгофф не воспользовался благоприятным случаем сейчас и чуть позже, когда аналогичное столкновение произошло между броненосцами «Мария Пиа» и «Сан Мартино», при попытке первого таранить австрийский корабль. Как мы видим, морская подготовка итальянских команд находилась на совершенно неудовлетворительном уровне.

В 12.10 Тегетгофф сигналом приказал своим кораблям собраться, построил их в три кильватерные колонны и пошел на северо-восток. Адмирал Персано приказал своим командирам преследовать противника, но никто даже не подумал исполнять его приказ. В 13.00 Тегетгофф приказал броненосцу «Кайзер Макс» добить «Палестро», но итальянский корабль, на котором бушевал сильнейший пожар, все-таки сумел уйти от противника. После этого горящий броненосец был взят на буксир.

Контр-адмирал Вакка, полагая, что Персано погиб вместе с «Ре д'Италия», поднял сигнал, приказывая броненосцам построиться в колонну и уходить следом за ним в Анкону. А сам адмирал Персано намеревался возобновить бой, но не сумел этого сделать из-за плохого состояния некоторых кораблей и откровенной трусости своих капитанов. За ним последовали только «Ре ди Портогалло» и один из деревянных фрегатов.

В результате итальянцы отступили, причем в 14.30 огонь добрался до пороховых погребов «Палестро», корабль взорвался и затонул со всей командой. Дело в том, что командир бро-

неносца почему-то был убежден, что погреба затоплены, и даже не подумал спасти команду. Всего на «Палестро» погибли 204 человека, еще 408 – на «Ре д'Италия», в то время как на остальных кораблях итальянского флота погибли всего лишь 7 человек. Потери австрийцев тоже оказались минимальными – 38 убитых. На этом несчастья итальянцев не закончились. После возвращения флота в Анкону начался ремонт повреждений, полученных в бою, а 6 августа внезапно налетевшим шквалом был потоплен «Аффондаторе». Полученные им повреждения никакого отношения к причинам гибели не имеют, обычное разгильдяйство и открытые люки. Правда, позднее корабль все-таки подняли и снова ввели в строй. Когда после этого Персано спросили, что он намерен делать со своим обожаемым тараном, адмирал мрачно ответил: «Потопить».

Морской бой между австрийским и итальянским флотами в общей сложности длился около двух часов, артиллерийская дуэль вообще заняла около 45 минут, но вот последствия этого боя все флоты ощущали около полувека. Началось повальное увлечение таранами и таранной тактикой, что привело к изменению конструкции броненосцев, самым важным стал считаться не бортовой залп, а огонь вперед. Кильватерную колонну сменил фронт, артиллерийскую дуэль – таранный удар. Все это изложил в своей статье австрийский капитан 1-го ранга Энгельманн.

Поражает то легкомыслие, с которым все ведущие флоты приняли на вооружение эти постулаты, совершенно не учитывая особых обстоятельств, которые вынудили Тегетгоффа действовать именно так. Впрочем, такое легкое верие было характерно для XIX века. Причем наиболее упорными в этом заблуждении оказались англичане, которые с энергией, достойной лучшего применения, начали развивать тип броненосного тарана. Все началось довольно невинно, с броненосца «Хотспур», заложенного в 1868 году, это еще можно было понять. Однако закладку таранов типа «Конкерор» через 15 лет после боя уже объяснить гораздо сложнее. А закладка в 1885 году броненосцев типа «Виктория», вооруженных чудовищными 412-мм орудиями, которые были увеличенным «Конкерором», иначе как прямой ошибкой назвать невозможно. При этом сама концепция броненосного тарана являлась отрицанием концепции линейного корабля, но адмиралы этого не замечали.

И, наверное, есть какая-то злая ирония в том, что именно самый мощный в мире броненосный таран «Виктория» погиб в результате таранного удара обычного броненосца. Во время маневров 22 июня 1893 года у берегов Ливана «Викторию» протаранил броненосец «Кампердаун». Корабли в момент столкновения имели минимальный ход, не более 6 узлов, но повреждения «Виктории» оказались чудовищными. Броненосец продержался на воде всего 13 минут, после чего перевернулся и затонул, все-таки доказав действенность таранного удара, вместе с кораблем погибли 358 человек, в том числе командир эскадры вице-адмирал Трайон. Однако таран, как предупреждали многие, оказался оружием обоюдоострым, так как и «Кампердаун» получил очень тяжелые повреждения. Броненосец сел носом почти на 1,5 метра, и от гибели «Кампердаун» спас только мертвый штиль, стоявший на море. Если бы дул хотя бы слабый ветерок, все могло кончиться гораздо хуже. Кстати, в 2004 году ныряльщики обнаружили «Викторию», причем выяснилось, что броненосец не лежит на дне, а стоит вертикально, глубоко воткнувшись носом в песок.

Во всяком случае, броненосных таранов больше никто не строил, хотя строй фронта задержался на флоте еще на несколько лет, прежде чем окончательно уступить место кильватерной колонне.

Движение в потемках

После окончания военных действий в Адриатике наступил период некоторого затишья. Адмиралы продолжали искать правильные пути развития флота, но это были поиски в потемках, на ощупь. Было понятно, что бронированный вариант доброго старого фрегата вряд ли станет идеальным кораблем, а беспорядочная свалка и стрельба в упор – не самая лучшая тактика. Но в какую сторону двигаться, каким будет линейный корабль и каким будет линейный флот будущего? Вопросы, вопросы, и кто даст на них правильные ответы?

Приключения маленького перуанского монитора «Уаскар» заслуживают особого внимания, потому что они имели самые серьезные последствия, причем отнюдь не локального масштаба. По результатам боя с ним был вынужден делать оргвыводы и принимать срочные меры самый сильный в мире флот, причем аукнулась англичанам привычка продавать корабли на экспорт, ведь «Уаскар» был построен в Биркенхеде.

Этот монитор правительство Перу заказало в ходе войны против Испании, но, как всегда бывает в таких случаях, война закончилась раньше, чем корабль был построен. Для своих размеров он был очень недурно бронирован – пояс 114 мм и башня 140 мм, а вооружение составляли две 300-фн пушки Армстронга (254 мм). В общем, так бы этот корабль и сгинул в тишине и безвестности далеких южноамериканских вод, если бы во время очередного пропусаменто в 1877 году (по-русски бунт, но по-латиноамерикански, конечно же, революция) офицеры монитора не решили примкнуть к повстанцам.

Его новый командир развил бурную деятельность. Он намеревался добраться до Чили, чтобы взять на борт главаря мятежников. «Уаскар» не имел на борту достаточно угля для планируемого перехода, и мятежный монитор стал заимствовать топливо у попадавшихся по пути пароходов: были ограблены «Санта Роза» 10 мая в порту Моллендо и «Джон Элдер» 11 мая в открытом море, «Имунцина» 12 мая в порту Писагуа и 14 мая «Коломбия» в открытом же море. Кроме того, на борту «Коломбия» мятежники взяли в плен двух полковников правительственных войск.

Эти суда принадлежали британской компании, которой такое поведение, естественно, не понравилось, и ее правление обратилось к командующему Тихоокеанской станцией Королевского флота контр-адмиралу Элджернону де Хорси. Тому не оставалось ничего иного, как выступить на защиту «жизни и собственности подданных Ее Величества», хотя начал он сдержанно. 16 мая де Хорси отправил телеграмму командиру «Уаскара» с предупреждением, что подобные действия в случае повторения будут считаться законным поводом для захвата монитора кораблями британского флота.

22 мая командир «Уаскара» Герман Астете ответил де Хорси: «Мы совершенно не нарушали никаких законов, и потому информация об инцидентах с «Джоном Элдером» и «Санта Роза» неверна... Я спокойно, но твердо, не только от своего имени и имени моего экипажа, но также от имени Перу, отвергаю ваши угрозы... В случае агрессии ваших кораблей я исполню свой долг».

29 мая мятежный корабль был перехвачен эскадрой де Хорси, состоявшей из железного фрегата «Шах» и деревянного корвета «Аметист». «Шах» был вооружен 2 229-мм, 16 178-мм и 8 64-фн орудиями, а также имел 4 торпеды Уайтхеда, «Аметист» был вооружен 14 68-фн орудиями и шестовыми минами. Все орудия были дульнозарядными нарезными. Странная деталь – «Шах» был назван в честь совершенно конкретного человека, правителя Персии Насир-уд-Дина, он принадлежал к тем крейсерам, которые Британия строила для защиты своей обширной империи, и считался достаточно сильным, чтобы справиться с любым кораблем, который можно встретить в отдаленных водах. Его 229-мм орудия при использовании 250-фн броне-

бойных снарядов Палисьера с дистанции 1000 ярдов могли пробить 235-мм броню, по крайней мере, такие результаты были получены на полигоне. В бою все получилось совершенно иначе.

После недолгой погони «Шах» настиг «Уаскара», соблюдая принятый в те времена поли-тес, адмирал отправил на монитор флаг-лейтенанта Раньера с личным посланием, требуя сдать корабль, но обещая при этом не выдавать мятежников правительству, а высадить их в нейтральном порту. Однако он не учел нескольких обстоятельств. Во-первых, на борту монитора находился главарь мятежа де Пьерола, который ни при каких обстоятельствах не мог принять такой ультиматум. Во-вторых, противником де Хорси все-таки были не дикие азиатцы, а более или менее обученные моряки белой расы. А в-третьих и главных, «Уаскар» нес броню, а британские корабли – нет.

Британский лейтенант отбыл ни с чем, а де Пьерола произнес перед экипажем пламенную речь, завершив ее традиционным возгласом: «Вива Перу!» Интересно, что драться против англичан согласились даже пленные полковники. Около 15.00 «Шах» с дистанции 1700 метров дал первый залп. В течение 2,5 часа корабли крутились и вертелись, выписывая замысловатые петли, иногда даже пытаясь идти на таран. Но великолепная маневренность «Уаскара», его малая осадка и близость мелей сводили на нет все усилия англичан. Их снаряды множество раз поражали монитор, но так и не сумели нанести ему серьезных повреждений, хотя внешне он выглядел жалко – были снесены мачты, исковерканы надстройки, но броня не была пробита ни разу.

В результате де Хорси был вынужден сделать глубокомысленное заявление: «Господа, мы явно сражаемся не с флотом хедива!» Видя полную беспомощность своей артиллерии, адмирал приказал использовать торпеды. Это был первый случай применения торпеды Уайтхеда в морском бою. Выписка из бортжурнала «Шаха»: «Выпустили торпеду Уайтхеда из левого аппарата с дистанции 400 ярдов. След торпеды был виден на полпути до «Уаскара», который в момент выстрела повернулся кормой, а не бортом. Скорость недостаточна, чтобы догнать его». Как мы видим, в первом же бою была продемонстрирована и эффективная тактика уклонения от тогдашних тихоходных торпед, которую потом успешно применяли русские моряки во время Русско-японской войны.

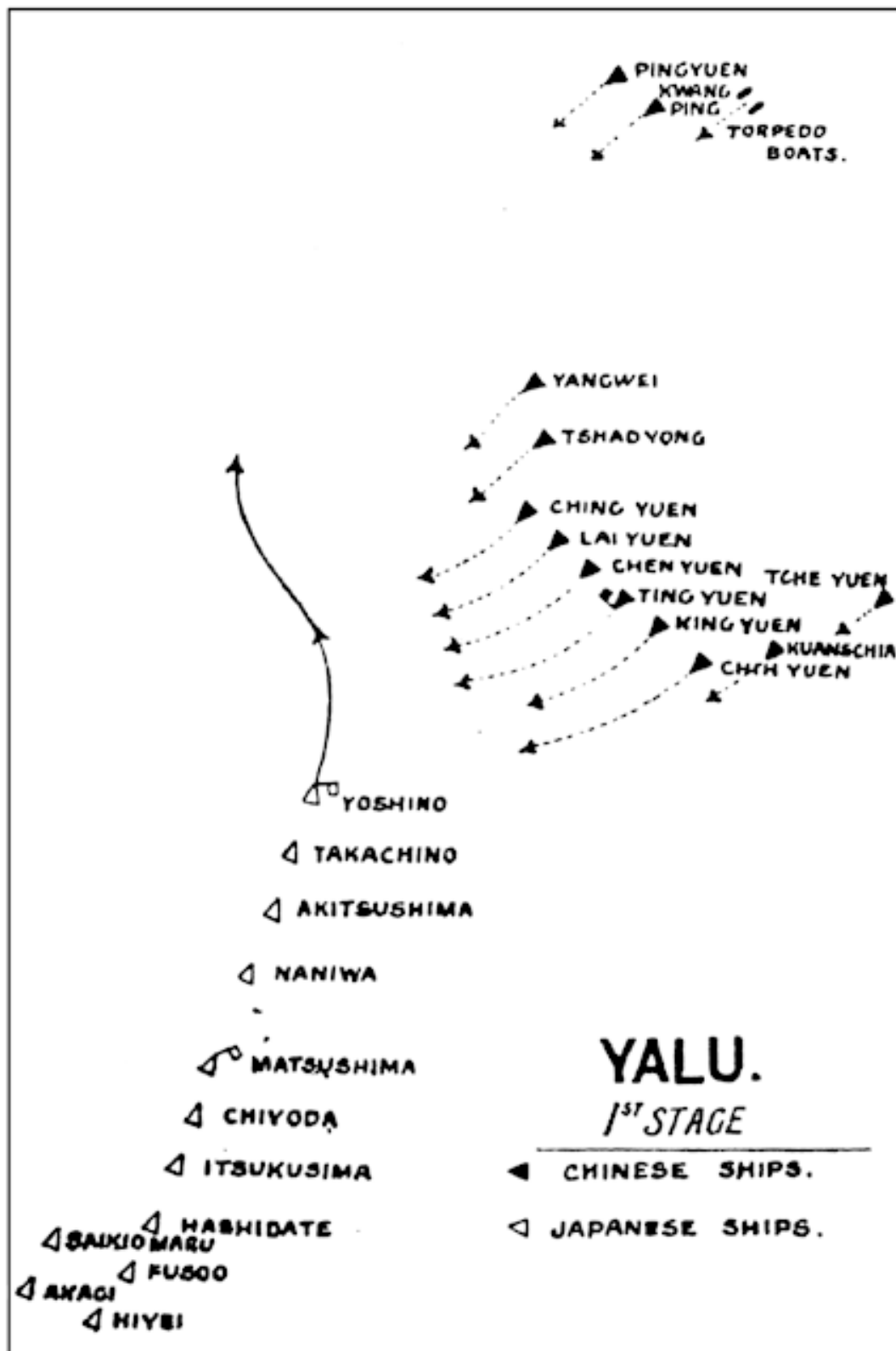
С наступлением темноты «Уаскар» ушел к городу Ило, де Хорси предпринял последнюю отчаянную попытку уничтожить монитор, послав за ним паровой катер с шестовой миной, но найти «Уаскар» не удалось. Бой завершился унижительной неудачей англичан, хорошо еще не поражением, ведь достаточно было одного удачного попадания 300-фн снаряда, и британскому крейсеру пришлось бы плохо. В ходе боя «Шах» выпустил 237 снарядов, «Аметист» – 190, на что «Уаскар» ответил никак не более чем десятком. Монитор получил до 70 попаданий, но броня его так и не была пробита.

Великая Британия испытала шок, после чего круто изменилась ее военная политика, на заморских станциях было решено держать броненосные корабли, в Южную Америку немедленно отправился броненосец «Трайэмф». Вполне вероятно также, что этот бой подтолкнул англичан к созданию броненосных крейсеров, и уж совершенно точно – созданию полноценных бронебойных снарядов.

А буквально через два года все встало с ног на голову. Началась война между Перу и Чили, в ходе которой «Уаскар» весьма отличился. Он обстрелял несколько городов, потопил 16 чилийских транспортов и захватил еще 6, нанес повреждения нескольким военным кораблям. Однако везение не бывает бесконечным, и 8 октября 1879 года «Уаскар» возле города Ангамос столкнулся сразу с 6 чилийскими военными кораблями, в том числе с 2 броненосцами «Кохрейн» и «Бланко Энкалада». И в ходе этого боя те же самые 229-мм орудия Армстронга с теми же самыми броненосными бомбами Палисьера показали себя с наилучшей стороны. Снова «Уаскар» получил около 27 попаданий тяжелыми снарядами, но теперь его броня была пробита 13 раз с потрясающей легкостью. Отметим такой парадокс: устарелые по определению

казематные броненосцы взяли верх над прогрессивным башенным монитором. Отметим также еще один важный результат этих боев – они окончательно подорвали веру в эффективность тарана. Из доброго десятка попыток, предпринятых обеими сторонами, почти удачной оказалась лишь одна – «Бланко Энкалада», нацелившись в «Уаскар», едва не протаранил «Кохрейн», корабли разминувшись просто чудом.

А еще через пару лет один из победителей у Ангамоса оказался замешанным в другое эпохальное событие. Во время гражданской войны в Чили броненосец «Бланко Энкалада» 22 апреля 1891 года был атакован минными крейсерами «Конделл» и «Линч», получил попадание торпеды и затонул. Он стал первым броненосцем, потопленным торпедным оружием. Конечно, приоритет его использования все равно остается за русским флотом, но турецкий деревянный пароходик «Интибах», потопленный 26 января 1878 года, все-таки не броненосец. Между прочим, вторым броненосным кораблем, потопленным торпедой, стал бразильский броненосец «Акидабан», причем опять-таки во время гражданской войны. В общем, не скучно жили в Южной Америке в конце XIX века!

YALU: THE BEGINNING OF THE BATTLE

Сражение при р. Ялу 17 сентября 1894 г.

К следующему историческому событию в истории броненосных флотов европейцы опять оказались неучастными, оно произошло в 1894 году на Дальнем Востоке в ходе Японо-китай-

ской войны. Мы говорим о сражении при Ялу, которое стало боевым дебютом скорострельных орудий и в очередной раз заставило все флоты задуматься о том, правильный ли путь развития выбран. Еще это сражение примечательно тем, что на мировую арену выступила новая держава или, если говорить прямо, новый империалистический хищник.

Долгие распри между Японией и Китаем относительно контроля над Кореей (именно так в XIX веке строились международные отношения) привели к закономерному финалу – войне. Во многом это была война за господство на море, так как иначе Япония просто не доставила бы свои войска на материк, но в то же время имеется одно серьезное отличие от Русско-японской войны. Численность японской армии была на порядок меньше, и основной театр военных действий находился в Корее, а не в Маньчжурии. Поэтому японцам достаточно было обеспечить перевозки через Корейский пролив, где они и так обладали безоговорочным господством. У китайского флота просто не было кораблей, способных действовать там.

Флоты обоих противников целиком состояли из кораблей иностранной постройки, у японцев преобладали английские корабли, у китайцев – немецкие. Можно отметить одну любопытную деталь – относительная слабость обоих флотов вынуждала противников использовать в ходе боевых действий корабли, которые любой европейский флот считал бы устаревшими и в лучшем случае использовал в качестве блокшивов. К тому же японский флот не располагал полноценными броненосцами и в качестве главной ударной силы был вынужден использовать большие бронепалубные крейсера. Китайцы имели два броненосца – «Чжень-Юань» и «Дин-Юань», которые напоминали знаменитый «Инфлексибл» своей цитаделью и эшелонным расположением башен в центре корпуса. В Европе такие корабли водоизмещением 7500 тонн отнесли бы к броненосцам 2-го класса, на фоне, скажем, «Ройял Соверена» с его 14 000 тонн водоизмещения они смотрелись неубедительно, но на Дальнем Востоке броненосцы не имели себе равных. Еще одна тонкость: в последнее время некоторые авторы высказывают мнение, что эти корабли не были совсем однотипными. Предполагается, что они должны были вместе образовать тактическую единицу для действий в строю фронта, поэтому на «Дин-Юань» передней была левая башня, а на «Чжень-Юань» – правая.

Война началась событием, после которого весь мир узнал о существовании некоего Того Хейхатиро, а также Рэнго Кантай – Объединенного флота. Еще до объявления войны 25 июля 1894 года крейсер «Нанива» под командованием бравого каперанга потопил британский пароход «Коушинг», который перевозил китайских солдат. Оказалось, что «Юнион Джек» не всегда является надежной защитой, а уж китайские крейсера и подавно никого защитить не могут. Сопровождавший пароход крейсер «Цзи-Юань» постарался как можно быстрее оторваться от японцев...

А вскоре состоялось сражение, которое некоторые авторы называют самой важной морской битвой XIX века после Трафальгара. Я бы воздержался от подобных заявлений по некоторым причинам, о которых упомяну позднее. Некоторые основания для такого утверждения имеются, ведь встретились два флота, составленные из относительно современных кораблей. Однако когда говорят, что эти флоты были сильными, это уже явный перебор.

14 сентября японский флот под командованием адмирала Ито провел в Чемульпо 30 транспортов, которые высадили десант. Командующий китайским флотом адмирал Тинг решил атаковать японцев в порту, и, даже если бы ему не удалось одержать победу, он наверняка спутал бы все планы противнику, и война приняла бы затяжной характер. Однако снова вмешались политики, Тинг получил приказ из Пекина крейсировать между Порт-Артуром и Вей-Хай-Веем (кстати, вольный перевод названия этого порта звучит как «Величественная военно-морская база»), занимая сугубо оборонительную позицию. Премудрость «зеленого стола» – кабинетной стратегии – оказалась сильнее военных соображений. А потом Тинг был вынужден сопровождать свои транспорты с войсками к устью реки Ялу, где высадил уже свой десант.

Поэтому, когда утром 17 сентября оба флота встретились, это стало определенной неожиданностью для обоих адмиралов. Японский флот неспешно двигался вдоль берега, а китайский вообще стоял на якоре. Увидев дымы, Тинг приказал немедленно сниматься с якоря. Он построил свой флот строем фронта, исходя из того, что броненосцы при эшелонном расположении башен будут вести наиболее сильный огонь именно по носу. Кроме этих 2 броненосцев Тинг имел 3 то ли маленьких броненосца, то ли броненосных крейсера, 5 крейсеров, 2 таможенных крейсера и 2 миноносца. У японцев не было броненосцев, а единственный формально броненосный крейсер «Тиеда» был вооружен всего лишь 120-мм орудиями. Но зато адмирал Ито имел 3 больших и быстроходных бронепалубных крейсера, вооруженных 320-мм орудиями, которые теоретически могли пробивать броню броненосцев, и 4 малых, но быстроходных бронепалубных крейсера. Остальные корабли японского флота даже не заслуживают упоминания в силу нулевой боевой ценности. Главным козырем Ито были 152-мм и 120-мм скорострельные пушки, которым предстояло дебютировать в бою. Китайские корабли были вооружены более старыми пушками Круппа, стрелявшими чуть ли не вдвое медленнее. Если бы не это, у японцев не было бы никаких шансов. Еще одной особенностью китайского флота следует считать присутствие на кораблях иностранных военных советников, вроде бы даже начальником штаба адмирала Тинга был немец Ханнекен, но утверждать это с полной уверенностью нельзя. Между прочим, Ханнекена ряд авторов упрямо именует майором артиллерии.

Перед боем адмирал Тинг приказал однотипным кораблям держаться вместе, все корабли должны были по возможности сражаться носом к неприятелю, а всем капитанам следовало повторять маневры адмирала. Такие расплывчатые приказы Тинг отдал потому, что не верил в подготовку своего флота и сомневался в надежности связи во время боя. Впрочем, кое-какие приготовления к бою были сделаны заранее, например почти все шлюпки были оставлены в Порт-Артуре, чтобы уменьшить число осколков. На кораблях установили траверзы из мешков с песком и с углем. На «Чжень-Юань» помпы работали непрерывно малым ходом, и вода все время обильно смачивала палубу для предотвращения пожаров.

Адмирал Ито разделил свой флот на два отряда, которые должны были действовать самостоятельно. Под его собственным командованием находились 3 бронепалубных крейсера типа «Мацусима», тот самый «Тиеда» и всякое старье. Быстроходная эскадра адмирала Цубоя состояла из 4 крейсеров, она имела приказ действовать самостоятельно. 10 лет спустя в бою при Цусиме японцы снова используют эту тактику, сформировав отдельную эскадру из броненосных крейсеров. Но в тот момент это было любопытное тактическое новшество, до сих пор непреложным постулатом считалось, что флот должен держаться соединенно. Причина проста – при малых скоростях старых кораблей нельзя было рассчитывать на своевременное появление отдельного отряда в нужной точке. Однако эскадра Цубоя имела скорость около 19 узлов, о чем ранее даже мечтать было нельзя.

Подготовка японского флота находилась на более высоком уровне, хотя заявления, будто она была хороша, все-таки следует подвергнуть сомнению. Во всяком случае, в инциденте с «Коушингом» японские офицеры не продемонстрировали хорошей выучки и понимания своих задач, потому что эскадра Цубоя позволила беспрепятственно уйти более слабому и к тому же поврежденному крейсеру «Цзи-Юань». Тем более что Ито допустил совершенно очевидную ошибку, включив в состав своей эскадры плавучие ископаемые вроде так называемого броненосца «Фусо», что привело к совершенно неоправданному снижению эскадренной скорости, ничуть не повысив силу соединения.

Итак, адмирал Тинг выбрал строй фронта, но дальнейшие события наглядно продемонстрировали все недостатки данного построения. Для начала сказалась плохая выучка китайских команд, и хотя скорость эскадры была не более 6 узлов, фланги начали отставать, фронт превратился в полумесяц. Японцы следовали строем кильватера, причем эскадра Цубоя, которую часто именуют также летучим отрядом, была выдвинута немного вперед.

Первый выстрел в 12.20 дала правая башня «Дин-Юаня» с дистанции около 6000 метров. Снаряд лег недалек, но результат все равно оказался потрясающим. Адмирал Тинг получил не то контузию, не то нервное потрясение, и его пришлось унести вниз, в его каюту, где он провалялся около двух часов. Командование принял на себя капитан «Дин-Юаня». Ответный выстрел «Иосино» тоже был недалек.

Тем временем летучий отряд японцев увеличил скорость до 14 узлов и начал охват правого крыла китайского строя. Это был совершенно очевидный маневр, противодействовать которому строй фронта не может. Китайские броненосцы повернули на 2 румба вправо, но кто отдал этот приказ, неизвестно, в результате строй китайцев окончательно смешался.

Японцы сосредоточили огонь на двух правофланговых крейсерах, которые сразу загорелись. Японская эскадра словно окуталась облаком густого дыма, в котором мелькали красные вспышки выстрелов. Китайским артиллеристам, привыкшим к старым орудиям, такая скорострельность казалась просто чудом, однако меткость японцев оставляла желать много лучшего. И все-таки количество выпущенных снарядов сказалось, оба китайских крейсера бросились наутек, причем один из них выбросился на берег, а второй почти успел это сделать, но затонул на мелководье, и команду пришлось снимать с мачт, торчащих из воды. Между прочим, можно считать, что японцам повезло, так как на правом фланге у китайцев находились крейсера «ЧАО-ЮН» и «ЯНГ-ВЕЙ», вооруженные 254-мм орудиями, буквально один такой снаряд – и небронированным японским крейсерам не поздоровилось бы.

Тем временем разгорелся бой в центре, так как китайские броненосцы подошли вплотную к эскадре Ито и открыли жаркий огонь с минимальной дистанции. В результате рассыпался и японский строй. Старый броненосный корвет «ХИЭЙ» под угрозой тарана был вынужден прорезать строй китайцев, пройдя между их броненосцами. Концевые корабли Ито отстали, им угрожала гибель, но положение спас адмирал Цубой, вернувшийся после разгрома китайского правого фланга.

В результате китайские корабли окончательно сбились в кучу, беспорядочно перемещаясь (сказать «маневрируя» здесь нельзя) и мешая друг другу стрелять. В этих беспорядочных стычках японские корабли несколько раз пускали торпеды, но не добились ни одного попадания. Китайцы вполне благоразумно оставили свои торпеды на берегу, так как надводные аппараты представляли больше опасности для самого корабля, чем для противника.

В этот момент произошло событие, которое в европейском флоте было бы просто немыслимо. Крейсер «ЦЗИ-ЮАНЬ», находившийся на крайнем левом фланге китайской эскадры, был обстрелян японцами. Нервы капитана, расшатанные еще во время инцидента с «Коушингом», не выдержали, и он, покинув строй, бежал в Порт-Артур. Мало того, этот позорный пример оказался заразительным, потому что соседний крейсер «КВАНГ-ЧА» последовал его примеру и также дезертировал. Китайские таможенные крейсера, которые снялись с якоря несколько позже эскадры Тинга, тоже предпочли не вмешиваться в сражение и держались на почтительном удалении, так же как и китайские миноносцы, которые могли оказать серьезное влияние на ход боя. Вряд ли их атака принесла бы успех, но вот угроза атаки могла серьезно спутать карты японцам. Кстати, трусость не спасла «Кванг-Ча», он так и не прибыл в Порт-Артур, поскольку ночью налетел на риф возле бухты Талиенван и затонул с большинством команды. Командир «Цзи-Юаня» тоже не ушел от судьбы. Второе бегство с поля боя ему не простили и после короткого суда обезглавили.

Впрочем, не все китайские командиры вели себя так, как эти. Крейсер «ЧЖИ-ЮАНЬ», получив несколько попаданий и уже имея дифферент на нос, отважно попытался таранить «Иосино». Вероятно, командир крейсера счел положение корабля безнадежным и решил захватить с собой как можно больше врагов. Увы, даже если бы он и не тонул, все равно скорость китайского корабля была слишком мала. Его встретил сосредоточенный огонь всей японской

эскадры, выдержать который он не мог. Крейсер внезапно зарылся носом в воду, в воздухе мелькнули вращающиеся винты – и все.

Крейсер «Лай-Юань», который шел справа от броненосцев, тоже получил серьезные повреждения. Пожары на нем приняли неконтролируемый характер, однако корабль продолжал ожесточенно отстреливаться. В кочегарках и машинных отделениях царил настоящий ад, люди падали от тепловых ударов, но все-таки они не позволили крейсеру потерять ход. Плавающий, он сумел вырваться из кольца японских кораблей.

Кстати, японцы тоже не обошлись без повреждений и потерь. Рискованность сражения небронированных кораблей с броненосцами доказало единственное попадание в крейсер «Мацусима». Впрочем, этот крейсер еще должен благодарить судьбу за то, что отделался сравнительно легко. Сначала 260-мм снаряд с «Пин-Юаня», попав в отсек кормового торпедного аппарата, каким-то чудом не взорвал снаряженную торпеду. Затем в него попал 305-мм снаряд с «Чжень-Юаня», который угодил в 120-мм батарею и вызвал там сильный пожар, из-за которого крейсер снова оказался на грани гибели. Из-за этого крейсер был вынужден покинуть боевую линию, адмиралу Ито пришлось переносить свой флаг на крейсер «Хасидатэ». И все это было результатом воздействия двух снарядов, один из которых не взорвался, так как был начинен цементом. Большие повреждения получили замыкающие корабли японской колонны, что неудивительно, так как это были самые слабые единицы японской эскадры.

Примерно к 14.00, то есть через полтора часа после начала боя, китайские броненосцы расстреляли весь свой запас фугасных снарядов. Оба корабля серьезно пострадали, их надстройки были буквально изрешечены, полыхали многочисленные пожары. Разумеется, европейские советники утверждают, лишь их усилиями корабли были спасены от гибели.

Вот что пишет МакГиффен, бывший энсэйн американского флота, ставший капитаном во флоте китайском: «Помогая потушить один из этих пожаров, я был ранен. Горело в носовой части судна, на баке, и оттуда в проход у барбета была такая тяга пламени, что офицер, которому я приказал идти тушить, заявил, что туда нельзя добраться живым, так что мне пришлось отправиться туда самому. Я вызвал охотников, и за мной пошли несколько храбрых молодцов, лучших людей нашей команды; к несчастью, почти все они были убиты, но пожар был все-таки нами потушен. Наконец загорелось и на левом борту, и, так как орудие переднего барбета на правом борту стреляло на левую сторону, я послал сказать, чтобы выстрелы делались только на правый борт, но, по несчастью, получившему это приказание номеру первого орудия снесло выстрелом голову, как раз когда я пошел на нос, а заметивший его не знал о приказании. Нагнувшись поднять шланг, я почувствовал, что снаряд или его осколок пролетел между моими руками, задев обе. Вскоре после того я услышал сильный взрыв и, увидев позади себя яркий свет, был сшиблен с ног и пролежал некоторое время без сознания, сколько именно, не знаю. Я думаю, что это было пламя от того орудия, из которого я приказал стрелять только на правый борт, хотя это мог быть и разорвавшийся снаряд, но в таком случае я должен был быть разнесенным на куски. Как бы то ни было, я получил довольно сильные ожоги. Придя в себя, я сел, опершись на локоть, и увидел, что нахожусь как раз против дула большой пушки, направленной прямо на меня. Я увидел, как дуло это подвинулось в одну сторону, потом в другую, немного вверх, потом вниз, и до того, как произошел выстрел, так как я знал, что комендор прицелился, мне казалось, что я ждал год, хотя не прошло, вероятно, и секунды. Вдруг у меня мелькнула мысль спастись, я покатился боком вниз по решетчатому люку и по необыкновенно счастливой случайности, пройдя книзу футов на восемь или около того, наткнулся на кучу мусора, задержавшего мое падение; падая, я услышал гром большого орудия».

Поверим ему на слово?

К этому времени недостаток снарядов начали испытывать и японцы. Самым большим разочарованием адмирала Ито стала его неспособность потопить китайские броненосцы. Теоретически 320-мм орудия могли пробить их броню, на практике они оказались неспособны

это сделать. Сражение начало затихать само собой. Свалка как-то незаметно перешла в сражение на параллельных курсах, причем теперь уже и китайцы перестроились в кильватерную колонну. Адмирал Ито в своем рапорте писал: «Примерно к 17.30, видя, что к «Дин-Юань» и «Чжень-Юань» присоединились другие корабли и что эскадра авангарда отделилась на большое расстояние от главных сил, а также учитывая приближение заката, я решил выбрать бой на параллельных курсах с намерением возобновить сражение наутро. Я решил, что ночной бой будет невыгодным из-за того, что корабли могут разделиться в темноте, и потому, что противник имел миноносцы. Однако я потерял китайцев из вида, а на рассвете не было видно даже следов противника».

В действительности к этому моменту к китайским броненосцам не мог присоединиться ни один большой корабль. Только на закате адмирал Тинг построил то, что осталось от его флота, в кильватерную колонну и повел ее в Порт-Артур. К нему подошли все еще пылающий «Лай-Юань», еще один небольшой крейсер, а также не участвовавшие в бою корабли. Позади остался горящий крейсер «Чао-Юн». Как ни странно, адмирал Тинг был уверен, что разгромил японский флот и по прибытии в Порт-Артур объявил о своей победе. На самом же деле китайцы потерпели серьезное поражение. Они потеряли 2 больших и 3 малых крейсера, 3 корабля были повреждены, причем крейсер «Лай-Юань» фактически был окончательно выведен из строя. Погибли 850 человек, около 500 были ранены. Японцы не потеряли ни одного корабля, хотя четыре серьезно пострадали. У них погибли 90 человек, около 200 были ранены.

Поэтому наступило время подвести итоги сражения и посмотреть, действительно ли оно имело такое же значение, как Трафальгар. Прежде всего следует сказать, что бой при Ялу дал серьезную пищу для размышлений кораблестроителям и практически ничего не внес в развитие военно-морского искусства. Попытка адмирала Тинга использовать строй фронта завершилась полным провалом, как того и следовало ожидать. Строй оказался совершенно негибким и совершенно неуправляемым. Японцы сразу нащупали его слабое место – фланги – и прекрасно использовали это, не прилагая особых усилий. Очень быстро строй фронта превратился в беспорядочную кучу, и, если бы японцы стреляли хотя бы немного лучше, все кончилось бы для китайцев заметно хуже.

Следует отметить, что вопреки мнению многих историков адмирал Ито провел бой далеко не лучшим образом. Об одной его ошибке мы уже писали, но следует отметить и другую. Обладая огромным превосходством в скорости, он тем не менее допустил сближение с китайцами, в результате чего его собственная эскадра оказалась в сложном положении. Он вполне мог расстреливать китайцев издали, как это сделал в 1904 году на завершающей стадии боя в Желтом море адмирал Того, тогда его корабли избежали бы даже минимальных повреждений.

С точки зрения тактики стало ясно, что место главного оружия заняла артиллерия, таран и торпеда ушли на задний план. Отсюда следовал однозначный вывод – необходимы изменения в размещении артиллерии, так как бой кильватерных колонн снова стал наиболее вероятным, то нужно было усиливать бортовой огонь, а не носовой, считавшийся необходимым для кораблей, сконструированных из расчета на таранную тактику.

Во многом победа японцев была обеспечена разделением эскадры на два отдельно маневрирующих, но взаимодействующих отряда. Однако не следовало делать из такой тактики фетиш, к чему вскоре пришли те же японцы. Следовало каждый раз учитывать конкретную ситуацию, чтобы подбирать тактику под нее.

Бой стал дебютом скорострельной артиллерии, которая сразу доказала свое полное превосходство над пушками старого образца. Во всяком случае, колебания в выборе между гладкоствольной и нарезной пушкой длились гораздо дольше.

Крайне важное значение приобрела скорость кораблей, причем не только как средство уклонения от тарана. Стало совершенно очевидно, что превосходство в скорости позволяет создать тактически выгодную ситуацию (в данном случае – охватить фланг противника) и

использовать ее. Обладающий превосходством в скорости диктует ход боя. А ведь еще недавно даже англичане с большим пренебрежением относились к этому тактическому элементу.

Одновременно было доказано наиважнейшее значение бронирования. Увлечение безбронными кораблями, дань которому отдал даже адмирал Макаров, завело в тупик. Китайские броненосцы выдержали до 200 попаданий снарядами различных калибров и все-таки сохранили свою боеспособность. На двух броненосцах погибли всего 20 человек и 35 были ранены, сравните это с цифрами общих потерь китайской эскадры. Если бы только их команды были лучше подготовлены, а снаряды (даже не артиллерия!) были лучшего качества, бой вполне мог закончиться с прямо противоположным результатом. Причем на этом конкретном историческом отрезке актуальным стало бронирование максимально возможной площади борта для защиты от фугасных снарядов, обладающих большой разрывной силой, но малой пробивной способностью.

В этом плане вызывает удивление неожиданно вспыхнувший спор относительно противостояния крейсеров и броненосцев. Апологеты крейсерского флота усиленно его раздували вопреки совершенно очевидным фактам, и тем не менее этот спор продолжался еще добрых 10 лет.

Одновременно выявилась еще одна грозная опасность, подстерегающая даже броненосные корабли, – пожары. На китайских броненосцах горело все – деревянные палубы, отделка кают, краска, хотя в целом пожары еще не стали смертельной опасностью, как это произошло при Цусиме. Однако при спокойном и тщательном анализе этого и последующих сражений конца XIX века русский флот мог бы избежать многих неприятностей.

Следующий вывод касался торпедного оружия. Оказалось, что в настоящем бою торпеда далеко не так опасна, как в идеальных условиях, близких к учебным стрельбам, как это было в случае с чилийскими минными крейсерами. Все попытки японцев использовать торпеды завершились промахами.

Сражение оказалось относительно затяжным, вспомним, что бой у Лиссы реально продолжался менее часа, поэтому возникла еще одна проблема – потребовалось увеличить боезапас, особенно учитывая тот потрясающий темп, с которым скорострелки расходовали снаряды. В общем, кораблестроителям пришлось серьезно задуматься, и совсем недаром в последние годы XIX века кардинальным образом изменился взгляд на многие вопросы кораблестроения, изменилась сама конструкция кораблей.

А в целом об этом сражении писали много и частенько высказывали более чем странные мнения. Некоторые авторы дошли до самых невероятных заключений относительно сражений будущего. Даже вопрос о том, строить ли деревянные или железные суда, снова всплыл на поверхность и серьезно обсуждался специалистами!

Главной же ошибкой аналитиков было то, что они хотели извлечь из этого единичного случая общие правила, годные при всех обстоятельствах. Война на море вообще характерна тем, что в ней крайне редко дело доходит до вооруженных столкновений крупного масштаба, потому приходится использовать опыт немногочисленных боев. Но тем более здесь следует быть крайне осмотрительным и делать свои заключения с большой осторожностью, не склоняясь к жестким догматическим выводам.

Важнейшим последствием этого сражения оказалось то, что господство на море полностью перешло в руки японцев. Корабли адмирала Тинга оставались в защищенной гавани Порт-Артура и ремонтировались крайне медленно при наличии только одного дока. Потом, когда возникла угроза захвата порта с суши, эскадра перебралась в Вей-хай-вей, где была заблокирована японцами. В феврале 1895 года японские миноносцы провели серию ночных атак и потопили несколько китайских кораблей, в том числе броненосец «Дин-Юань». Нет никаких сомнений, что любая европейская военно-морская база отбила бы подобные кавалерийские наскоки, но Восток имеет свою специфику. Обнаглевшие японцы попытались подавить китай-

ские береговые батареи огнем с кораблей, но быстро отказались от этого, так как в очередной раз подтвердилась старая истина: батарея сильнее корабля, тем более небронированного.

Позднее порт был взят штурмом с суши, остатки китайской эскадры попали в руки японцев, а броненосец «Чжень-Юань», поменяв название на «Тин-эн», принял участие в Русско-японской войне, пусть даже на третьих ролях. Адмирал Тинг предпочел покончить с собой, чтобы не видеть позора. Разумеется, западные журналисты даже из смерти сделали увлекательный триллер. Дескать, адмирал проглотил золотой слиток...

Японцы тоже не остались в стороне от столь увлекательного занятия, как мифотворчество. Все началось с того самого попадания в «Мацусиму». Смертельно раненный матрос Торадзиро Миура спросил проходившего мимо офицера: «Дин-Юань» еще не потоплен?» Потрясенный офицер ответил: «Умирай спокойно. «Дин-Юань» выбит из строя». Миура улыбнулся: «Мы отомщены» – и умер. Немедленно была сочинена патр-р-иотическая песня:

«Дин-Юань» еще не потоплен?
Короткая фраза навсегда запечатлелась
В сердцах людей,
Оплота нации.

Да, при такой постановке дела японский журналист имел полное право даже в 1970 году уверенно заявить: «Иероглифы «Рэнго Кантай» навсегда врезаны в японские сердца».

Прошло совсем немного времени после окончания Японо-китайской войны, и снова на Дальнем Востоке заблистали военные зарницы. Впрочем, теперь они сверкали не только где-то вдали, в 1898 году небольшая гроза разразилась и в Атлантике, началась Испано-американская война, которая захватила оба океана. Однако столкновения на Филиппинах ограничились боем в Манильской бухте, где адмирал Дьюи уничтожил испанскую эскадру адмирала Монтехо. Это был бой двух крейсерских эскадр, и нам достаточно ограничиться замечанием, что снова скорострельные орудия показали свою сокрушительную эффективность.

Теперь испанцам пришлось решать ту же самую задачу, что и русским несколько лет спустя, – перебрасывать подкрепления на отдаленные театры. Справиться с ней они сумели только частично. Если крейсерская эскадра адмирала Серверы до Кубы добралась, то эскадры адмирала Камары, в состав которой вошел броненосец «Пелайо», на Филиппины так и не попала. Русские оказались более удачливыми, хотя, может быть, на свою же голову.

После боя в Маниле американцам предстояла война у собственных ворот, требовалось освободить от испанцев Кубу. Нескромный вопрос, в чью пользу состоится освобождение, никто даже не подумал задавать. На Кубе находилась достаточно большая испанская армия, поэтому требовалось перевезти туда соответствующую американскую армию. Основные постулаты военно-морского искусства требовали установить господство на море, потому что лишь тогда можно спокойно перевозить войска и снабжать их. Пока еще американцы были не настолько самонадеянны, чтобы спорить с европейскими авторитетами, поэтому они энергично принялись за установление этого самого господства, благо силы позволяли. Они сформировали Североатлантическую эскадру контр-адмирала Сэмпсона и «летучую эскадру» командора Шлея.

Испанцы тоже направили к Кубе свою эскадру, это были 4 броненосных крейсера и 3 миноносца адмирала Серверы, которые в момент начала войны находились на островах Зеленого Мыса. Лучшее всего состояние испанского флота характеризует тот факт, что новейший броненосный крейсер «Кристобаль Колон», только что построенный в Италии, вышел в поход, не имея орудий главного калибра. Переход через Атлантику, который для кораблей британского флота представлял скучную рутину, для испанцев оказался серьезной проблемой.

Кое-как, но эскадра Серверы 19 мая добралась на порта Сантьяго-де-Куба, потеряв по дороге всего лишь один миноносец. Пока испанцы приводили в порядок корабли и размышляли, чем заняться, 27 мая американцы установили блокаду порта.

Адмирал Сервера сам облегчил противнику задачу, забравшись в порт с единственным узким выходом (очень напоминает Порт-Артур, не так ли?), хотя многие советовали ему направиться в Гавану. Адмирал Сэмпсон организовал блокаду с наивной прямолинейностью. За исходную точку было взято горло пролива, проведена дуга окружности радиусом 6 миль, и на этой дуге были расставлены корабли. «Достоин удивления, как сей муж, дожив до седых волос, сохранил в неприкосновенности ум пятилетнего ребенка», – сказал классик, правда, по другому поводу. Наверное, американцы стянули бы кольцо еще теснее, однако они всерьез боялись испанских миноносцев.

Американцы решились-таки высадиться на острове, хотя формально при наличии там испанской эскадры господства на море они не имели. К концу июня американские войска и кубинские повстанцы подошли к Сантьяго, однако штурм, которым командовал генерал Шафтер, провалился, причем большую роль в этом сыграли десантные команды с кораблей Серверы (опять Порт-Артур!). Растерявшийся Шафтер отправил паническую телеграмму в Вашингтон и одновременно потребовал от адмирала Сэмпсона любой ценой ворваться в гавань и уничтожить испанские корабли.

Однако здесь на помощь американцам пришел Сервера, 2 июля он вернул на корабли десантную команду и приказал поднимать пары и готовиться к выходу. Испанский адмирал собирался прорваться в Гавану, где условия базирования были несравненно лучше. Сложно сказать, почему он не попытался сделать это ночью, тем более что командиры кораблей предлагали поступить именно так.

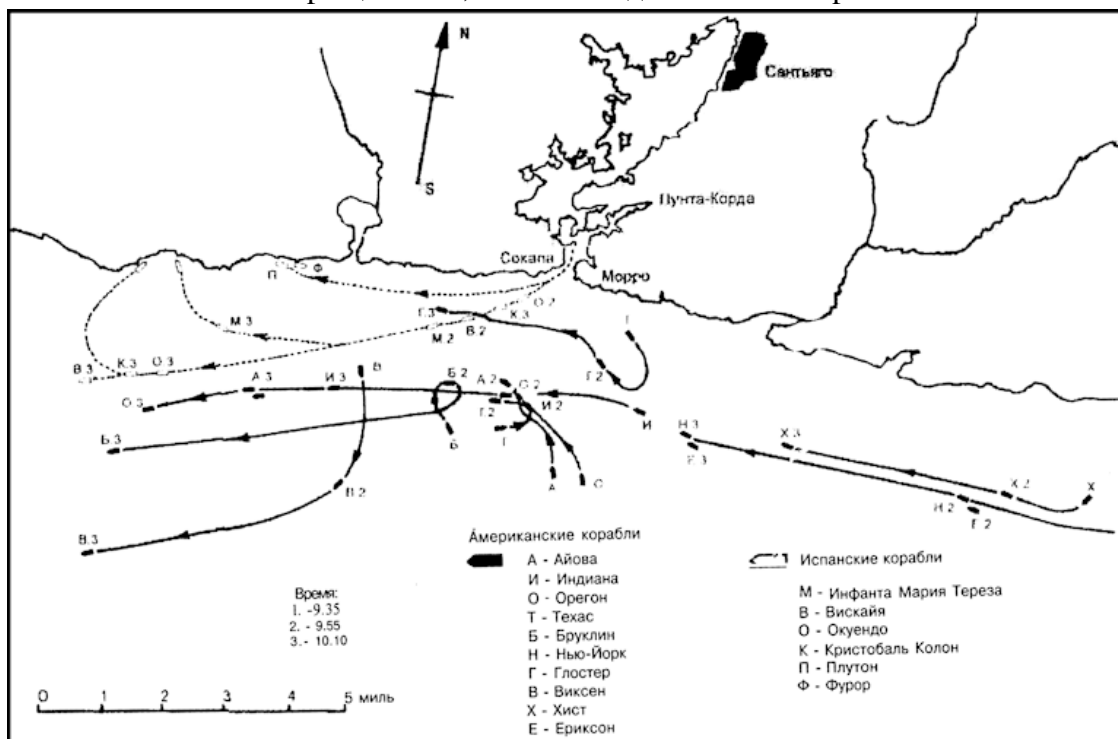
Впрочем, прорыв испанцев оказался для американцев совершенной неожиданностью, они были застигнуты врасплох. Более того, на месте отсутствовал контр-адмирал Сэмпсон, который на броненосце «Нью-Йорк» отправился в бухту Сибоней на совещание с адмиралом Шафтером. Кстати, Сэмпсон был именно контр-адмиралом, а не вице-адмиралом, как ошибочно пишут некоторые современные российские авторы, вообще американский Конгресс в то время был весьма скуп на чины и награды в отличие от европейских монархов. Броненосец «Массачусетс» вместе с двумя малыми крейсерами ушел в Гуантанамо принимать уголь, и все-таки у американцев еще оставалось достаточно кораблей для блокады – 4 броненосца, броненосный крейсер и 2 вспомогательных крейсера.

Первым заметил густые клубы дыма броненосец «Айова», который сделал выстрел из сигнальной пушки, и после этого на мачте броненосного крейсера «Бруклин», на котором находился коммодор Шлей, был поднят сигнал: «Противник уходит – приготовиться к бою». Испанские корабли следовали в кильватерной колонне: «Инфанта Мария-Тереза», «Бискайя», «Кристобаль Колон», «Окендо», и замыкали строй миноносцы.

В боевой рубке рядом с адмиралом Серверой находился лоцман Мигель Лопес, который оставил кое-какие воспоминания. Он пишет, что, когда корабли проходили узости, Сервера поднял сигнал своим кораблям: «Желаю вам скорой победы». Адмирал попросил лоцмана сказать, когда можно будет повернуть на запад, чтобы следовать вдоль берега острова к Гаване. Как только лоцман разрешил это, адмирал приказал дать полный ход и открыть огонь, потом повернулся к Лопесу и с улыбкой сказал: «Вы хорошо сделали свое дело. Надеюсь, вы благополучно выберетесь из этого и получите награду. Вы ее заслужили». По словам Лопеса, Сервера был совершенно спокоен и не выказывал никаких признаков тревоги.

Сначала американские корабли направились к выходу из порта, но, как только испанцы повернули на запад, они повторили этот маневр. При этом американские кочегары работали настолько скверно, что каждый корабль буквально окутался облаком густого черного дыма, и возникла реальная угроза столкновения. «Техас» и «Айова» едва не столкнулись, выходя из

собственного дыма, а когда они отвернули в разные стороны, между ними проскочил «Орегон», чуть не зацепив обоих. Вдобавок флагман Шлея «Бруклин» прошел у них под носом, вынуждая к новым поворотам, а потом оказался между броненосцами и испанцами, мешая стрелять собственным товарищам. Вот, что значит действия без строя!

Сражение у Сантьяго – 1-я фаза

Тем временем произошел странный эпизод, который очень сложно объяснить. Испанские миноносцы, выходя из порта, немного отстали от крейсеров, повернули не на запад, а на восток и столкнулись не с главными силами американцев, а с вооруженной яхтой «Глостер», зачисленной во вспомогательные крейсера. Яхта открыла по ним огонь и, как ни странно, добилась большого успеха. «Фурор» окутался клубами дыма и пара и начал дрейфовать к прибрежным скалам. «Плутон» получил несколько попаданий и стал быстро тонуть. Когда примчался адмирал Сэмпсон на крейсер «Нью-Йорк», все было уже кончено. «Плутон» выбросился на берег, а «Фурор» затонул. Удивительно то, что «Глостер» был вооружен всего лишь 6-фн орудиями, тогда как на испанских миноносцах стояли 14-фн пушки. По идее это они должны были утопить «Глостер», но произошло прямо противоположное.

Тем временем испанские крейсера начали бой на отходе, пользуясь тем, что американские корабли пока еще не набрали полный ход, и какие-то призрачные шансы прорваться у них были, так как путь на запад преграждала лишь вооруженная яхта «Виксен». Флагман Серверы «Инфанта Мария-Тереза» во время выхода из порта особых повреждений не получил, хотя именно на нем был сосредоточен огонь американцев. Но когда крейсер повернул, ему в левый борт с кормы попали два тяжелых снаряда. Установить точно их калибр не удалось, и в зависимости от личных пристрастий историка снаряды объявляют то 305-мм с «Айовы», то 330-мм с другого броненосца. Затем в батарее взорвался 203-мм снаряд, который выкосил расчеты орудий, а потом последовали новые попадания.

«203-мм снаряд попал в орудийную палубу под кормовым барбетом, пробил борт и взорвался, разворотив корму. Повреждения, причиненные этим снарядом, были очень велики. Все люди поблизости были убиты или ранены. Бимсы были разорваны и скручены. Осколки снаряда пролетели над палубой и пробили правый борт. Этот снаряд также перебил пожарную

магистраль». Крейсер также получил много попаданий мелких снарядов, причем адмирал Сервера получил легкую рану в руку, так как стоял на мостике, чтобы лучше видеть происходящее. Однако броневой пояс остался цел, а барбетты сохранили орудия главного калибра. Главной опасностью стали два серьезных пожара, справиться с которыми не удалось. Пламя пожирало деревянные конструкции, жар постепенно становился нестерпимым, и матросы покинули батарею и начали уходить из машинных отделений. Орудия крейсера замолчали, и он повернул к берегу. В 10.35 «Инфанта Мария-Тереза» выбросилась на скалы в 6,5 мили от выхода из гавани, часть экипажа перебралась на берег, остальных подобрал «Глостер». Одна из американских шлюпок выудила из воды адмирала и его сына лейтенанта Серверу. Когда они поднялись на палубу американского корабля, капитан 2-го ранга Уэйнрайт приветствовал адмирала словами: «Я поздравляю вас, сэр. Вы провели самую отважную битву, которую когда-либо видело море».

Следующей жертвой стал замыкавший колонну «Альмиранте Окендо». Именно из-за своей позиции он получил больше всего попаданий от гнавшихся на эскадру американцев. Один из снарядов попал в амбразуру носовой башни, взорвался внутри, уничтожив весь расчет и выведя орудие из строя. Корабль получил множество попаданий и даже вызвал восхищение американцев своей стойкостью. Разрывом одного из снарядов был убит его командир, капитан 1-го ранга Ласага. Но самые большие повреждения корабль получил в результате попадания 203-мм снаряда в кормовую часть, где вспыхнул сильный пожар. В результате сдетонировала торпеда в кормовом аппарате, доказав, что китайцы не зря опасались этого, хотя прямого попадания в торпеду и не было. Новый командир приказал спешно выпустить в море торпеды из уцелевших аппаратов и повернуть к берегу. «Окендо» выбросился на берег совсем недалеко от «Марии-Терезы». Далее одни источники утверждают, что на нем все-таки взорвались погреба, едва не переломив корпус корабля пополам, другие пишут, что это произошло потому, что он вылетел на камни. Потери экипажа достигли чуть ли не 50 процентов.

Буквально за полчаса боя состав испанской эскадры уменьшился вдвое, остались лишь «Колон», который благодаря более надежным машинам теперь шел головным, и все больше отстававший от него «Бискайя». Американские корабли продолжали погоню, ближе всего к испанцам находились «Бруклин» и броненосец «Орегон». От нескольких попаданий на «Бискайе» тоже начались пожары, и тогда ее командир капитан 1-го ранга Элате решил любой ценой задержать самый быстроходный из американских кораблей – «Бруклин». Единственным средством для этого были торпеды или таран, так как артиллерийский бой испанцы безнадежно проиграли. Крейсер повернул было на «Бруклин», но тут же американский снаряд попал в носовой торпедный аппарат, взорвал его, и вся носовая часть крейсера вспыхнула. Так излагают события американские историки, правда, карта, которую приводит известный историк Х. Вильсон, этого поворота не подтверждает. Вообще сообщение о попытке тарана опирается единственно на рапорт коммодора Шлея, который утверждает, будто ему сообщили это командир «Бискайи» капитан 1-го ранга Элате и старший помощник «Колона» капитан 2-го ранга Контрерас. Однако если прочитать рапорт самого Элате, то мы не увидим там даже упоминания о попытке тарана.

Кстати, именно 140-мм снаряд «Бискайи» стал причиной гибели единственного американского моряка в этом бою, когда взорвался рядом с мостиком «Бруклина». Однако «Бруклин», который сейчас находился на расстоянии не более 5 кабельтовых, просто расстрелял «Бискайю» в упор. В 11.05 очередной испанский корабль выбросился на берег, чтобы не затонуть. Но пожары и взрывы на «Бискайе» продолжались, и есть что-то символическое в том, что, когда капитан 1-го ранга Элате поднялся на борт «Айовы», сдетонировали носовые погреба, окончательно разрушив корпус.

Теперь от всей испанской эскадры остался только «Колон». Его новые машины пока что держались, и он даже начал отрываться от американцев, но... Ох уж эти непредвиденные

«но»! На крейсере закончился качественный уголь – кардифф, привезенный еще из Европы, и в топку полетел третьесортный уголь, принятый уже в Сантьяго. Скорость крейсера начала падать, американцы стали приближаться, и броненосец «Орегон» даже дал демонстративный залп из носовой башни. «Колон» не мог отстреливаться, ведь, как мы помним, на нем отсутствовали орудия главного калибра, поэтому командир решил не дожидаться неизбежного конца. Он также повернул в сторону берега, поднял белый флаг и приказал открыть кингстоны. В 13.15 крейсер выбросился на берег, ему удалось пройти целых 48 миль от Сантьяго. Когда американцы высадились на «Колон», он быстро тонул, хотя его боевые повреждения были чисто символическими.

Испанцы потерпели сокрушительное поражение, все 6 кораблей эскадры были уничтожены, погибли около 350 человек, 150 были ранены, примерно 1600 попали в плен. Удивительно, но примерно 150 моряков сумели присоединиться к гарнизону Сантьяго. Повреждения американских кораблей были совершенно ничтожны, и в бою погиб только один человек.

Этот бой, как и бой в Маниле, происходил на минимальных дистанциях, хотя о стрельбе в упор, как это было в сражении при Ялу, уже пришлось забыть. Но все равно, расстояния не превышали 20 кабельтовых, а чаще всего были еще меньше. Количество попаданий, полученных испанскими кораблями, подсчитать точно не удалось, так как пожары уничтожили почти все следы. Именно пожары стали основной причиной гибели кораблей, не следует заблуждаться – если бы испанские крейсера не выбросились на берег, они наверняка пошли бы на дно, хотя ни на одном из них броневой пояс не был пробит. Оказалось, что даже броненосные корабли могут стать жертвой огня, что противоречило результатам боя при Ялу. Предупреждение было достаточно внятным, однако русский флот его не услышал, и все кончилось Цусимой, где именно пожары погубили сильнейшие броненосцы адмирала Рожественского.

А с точки зрения военно-морского искусства этот бой вообще ничего не дал, в действиях американцев невозможно проследить даже тени осмысленности, просто гнались и стреляли. Особую же пикантность положению придает отсутствие адмирала Сэмпсона на месте в момент боя, в результате чего после войны между ним и коммодором Шлеем разгорелась склока – кому должны достаться лавры? Злые на язык журналисты прозвали этот бой победой без победителя.

Хрестоматийная война

Писать о военных действиях на море во время Русско-японской войны легко и приятно, потому что они отвечают самым жестким требованиям ревнителей канонов морской войны. Действительно, в истории парового флота не было и, теперь можно сказать с полной уверенностью, уже никогда не будет столь кристально-чистой иллюстрации идеи «Морская мощь и ее влияние на ход мировой истории». Альфред Тайер Мэхен немного поспешил написать свой фундаментальный труд, иначе бы он получил гораздо более убедительные доказательства своим постулатам, особенно решающей роли генерального сражения и значения линейного корабля в определении исхода этого сражения. Тем более странными выглядят усилия другого уважаемого военно-морского теоретика, Фредерика Джейна (того самого, который справочник и человек), доказать обратное в своей книге «Ереси в учении о морской силе». Что же касается выводов, сделанных на основании боевого опыта... Вот здесь открывается простор для самой буйной фантазии, и авторы себя уже никак не сдерживают. Чего стоит одно только заявление, будто «Дредноут» родился в результате изучения и обобщения, о знаменитой статье Витторио Куниберти вспоминают очень немногие, о проектах адмирала Фишера – тем более. Ну а сенсационный факт, что проект «Н», ставший впоследствии «Дредноутом», был утвержден 13 января 1905 года, за три месяца до Цусимского сражения, лучше просто замолчать. Небольшое уточнение: все даты будут даны по новому стилю, чтобы избежать путаницы. Я понимаю, Русская православная церковь объявила григорианский календарь выдумкой сатаны, направленной на пагубу всем истинным христианам, но мы ведь живем именно по нему, не так ли?

Однако мы немного отвлеклись. Начало XX века можно назвать золотой эпохой линейного корабля, пусть даже пока это был классический броненосец. Позади остался период исканий и сомнительных экспериментов, все ведущие морские державы обзавелись крупными броненосными флотами, были разработаны теории использования этих флотов, предложены тактические приемы, которые надлежит использовать в сражениях. Если говорить предельно коротко, все это выглядело так: победу в войне приносит господство на море, оно достигается в генеральном сражении линейных флотов, основой которых является эскадренный броненосец. Осталось только выяснить, насколько правильными были все эти идеи и насколько построенные корабли подходили для реализации идей.

Русско-японская война оказалась просто идеальным полигоном. Противников разделяло самое настоящее море (это вам не узенький Ла-Манш, который так никто и не сумел форсировать), Япония должна была перевезти свою армию на материк в Маньчжурию и наладить ее постоянное снабжение. Если бы русские сумели перерезать эти морские коммуникации, японская армия свалилась бы им в руки, как переспелая хурма. То есть вопрос господства в Японском и Желтом морях становился ключевым, если японцы захватят его – начнется затяжная и изнурительная сухопутная кампания, если же оно перейдет к русским, война закончится их победой, по сути не начавшись.

Обе стороны готовились к войне, причем в первую очередь – к войне на море, но именно на стадии подготовки была ясно продемонстрирована полнейшая неадекватность российского военно-политического руководства. Прежде всего, была допущена грубейшая ошибка в определении времени начала войны, на нее наложились другие ошибки. Даже если бы не была выполнена кораблестроительная программа, все равно русские могли сосредоточить на Дальнем Востоке превосходящие силы, но, увы... Весьма показательна в этом плане история с переходом отряда адмирала Вирениуса и параллельным переходом броненосных крейсеров «Ниссин» и «Касуга». Но даже в сложившейся обстановке флоты противников были примерно равны по силам, что заставляло японцев действовать активно. При равенстве сил безопасность

морских коммуникаций становится более чем сомнительной, особенно если учесть, что перед русским флотом никаких оборонительных задач не стояло.

Именно это вынудило японцев начать войну так, как она началась – внезапным нападением на порт-артурскую эскадру. Несмотря на многократно повторяемые басни о тотальном японском шпионаже, японцы не располагали точными сведениями о дислокации русских кораблей, ведь адмирал Того разделил свои миноносцы на две группы, отправив одну к порту Дальний. Как раз разведка и подвела японского адмирала – он получил сообщение, что 3 русских броненосца куда-то ушли. Кроме того, он вполне мог привлечь к участию в атаке большие миноносцы, построенные по французскому проекту, что значительно усилило бы мощь первого удара.

Но в результате получилось то, что получилось. В ходе атаки 8 февраля были торпедированы три русских корабля – новейшие и самые сильные броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан», а также крейсер «Паллада». Вряд ли стоит осуждать командующего флотом вице-адмирала Старка за то, что он держал эскадру на внешнем рейде, ведь учитывая затрудненный выход через узкий мелководный проход, в условиях мирного времени это выглядело вполне разумно. Но вот дислокация ее вызывает сомнения. Первую линию, стоявшую мористее остальных, составляли новейшие и наиболее сильные крейсера, вторую – новейшие броненосцы, третью – старые броненосцы, а четвертую – ископаемые реликты, вроде минных крейсеров. Поэтому можно сказать, что русские еще дешево отделались, ни один корабль не погиб, а вместо «Паллады» торпеду вполне мог получить гораздо более ценный «Аскольд». Таким образом, японцы захватили то самое вожаемое господство на море, что и позволило им относительно спокойно переправить войска в Корею.

Однако уже следующее решение адмирала Того вызывает если не сомнения, то вопросы. На следующее утро после атаки он вместе со всем флотом подошел к Порт-Артуру, чтобы дать бой русским. Однако на что именно он рассчитывал? Что ослабленный русский флот выйдет в море и даст «последний и решительный бой»? Вероятно, сыграло роль сообщение адмирала Дева, который со своими крейсерами подошел к Порт-Артуру, и увиденное убедило его в полной деморализации русских. Однако если Того рассчитывал на какой-то результат, ему следовало атаковать сразу после миноносцев, а он дал русским время опомниться.

Итак, второй раз подряд разведка подвела Того, однако русские решили ему подыграть. Когда 6 японских броненосцев, 5 броненосных и 4 бронепалубных крейсера подошли к Порт-Артуру, русская эскадра продолжала стоять на якоре, адмирал Старк вообще находился на берегу на докладе у заместника. В 11.07 японцы открыли огонь, русские корабли начали было сниматься с якорей, но тут же последовал приказ заместника: «Ожидать начальника эскадры, с якоря не сниматься». Адмирал Старк прибыл на флагманский броненосец «Петропавловск» только в 11.14, и русским кораблям пришлось все делать под обстрелом противника. Если бы японцы сумели в полной мере воспользоваться преимуществами ситуации, русские не избежали бы серьезных повреждений.

Русские броненосцы приняли бой на контркурсе, в 11.30 в бой вступили береговые батареи, и положение японского флота сразу стало сомнительным. Поэтому адмирал Того в 11.45 повернул на юг и вышел из боя, объясняя это опасностью атак русских миноносцев. И действительно, русские миноносцы дважды пытались атаковать японскую эскадру, но были отогнаны японцами.

Этот бой при полном отсутствии результатов мог дать пищу для размышлений, нужно было только этим воспользоваться. Дистанция боя изменялась от 46 до 36 кабельтовых, что было заметно больше расстояний, на которых намеревались сражаться русские адмиралы. За 40 минут корабли и батареи расстреляли более 2300 снарядов, добились нескольких попаданий в японские корабли, однако повреждения были крайне невелики, то же самое можно сказать и о

повреждениях русских кораблей. Каждый из противников потерял около 100 человек убитыми и ранеными.

Выяснилось, что для достижения ощутимого результата придется вести бой гораздо большее время, а дистанцию желательно сократить. Все предвоенные учения японцев, на которых они отрабатывали стрельбу на дистанциях свыше 25 кабельтовых, которая в русском флоте считалась чуть ли не предельной, особых выгод им не принесли. Впрочем, в дальнейшем мы еще не раз увидим, что любые учения мирного времени мало чего стоят.

В этом бою имелись несколько эпизодов, которые ставят под сомнение один из драматических моментов Цусимского сражения. Мы говорим, разумеется, о знаменитой «петле Того». Первыми аналогичный маневр выполнили, как ни странно, русские, когда адмирал Старк развернул свою эскадру на курс, параллельный японскому, причем никто из историков не уделил этому повороту вообще никакого внимания, считая его само собой разумеющимся. Уже в самом конце боя аналогичный поворот выполнили японцы, когда адмирал Того уводил свой флот на юг. Вот здесь тот же Джулиан Корбетт в своей работе дает волю писательским способностям, живописуя, как русские обрушили бешеный огонь на пресловутую «точку поворота». Мол, когда броненосные крейсера адмирала Камимуры подошли к ней, море вокруг них буквально вскипело от множества снарядов, однако все ограничилось парой попаданий и десятком раненых. Попытка сосредоточить огонь на точке поворота оказалась не более чем мифом. Может, именно поэтому адмирал Того столь уверенно совершил внешне рискованный маневр в решающий момент величайшего морского сражения этой войны?

Японцы прекрасно использовали временный перевес в силах и, как следствие, временное господство на море. Они перевезли в Корею несколько армий, наладили их снабжение, результатом чего стала серия поражений русской армии. Флот ничем не мог противодействовать этому, так как выход в море отдельных кораблей мог привести к их бесполезной гибели. При этом русские столкнулись с «новой старинкой» – дальней блокадой Порт-Артура, когда за внешним рейдом вели наблюдение миноносцы и пара мелких крейсеров, а главные силы Того благополучно отсиживались во временной базе на островах Эллиот. Между прочим, именно так действовали англичане еще сто лет назад во время наполеоновских войн, когда наблюдение за портом вели фрегаты, а линейные эскадры либо крейсировали в море, либо вообще стояли в соседних портах. Почему-то русские адмиралы ожидали от противника таких же наивных действий, какие продемонстрировали американцы во время войны с Испанией. Блокировавшие Сантьяго корабли просто выстроились полукругом возле входа в порт и стояли на месте, подрабатывая машинами.

Однако дальняя блокада Порт-Артура оказалась гораздо более действенной, чем кто-либо мог предположить, хозяевами на внешнем рейде крепости были японцы, а не русские. О действиях канонерок, поддерживавших приморский фланг армии, говорить уже не приходилось. Кстати, русские, имевшие несколько сильных и быстроходных крейсеров, так и не сумели потопить ни одного из этих парусников. Вообще русская артиллерия в годы войны действовала просто отвратительно, об этом говорит тот простой факт, что русские не потопили артиллерийским огнем ни одного японского корабля крупнее миноносца, да и те можно было пересчитать по пальцам одной руки. Все серьезные потери японцев стали результатом подрыва на минах или навигационных аварий.

Следующего столкновения линейных флотов пришлось ждать почти полгода, однако это не означает, что броненосцы бездействовали, хотя их активность была не слишком типичной для главных сил флота. Японцы пытались перекидным огнем обстреливать гавань Порт-Артура, а русские корабли вели огонь по берегу, поддерживая гарнизон крепости. За это время броненосцы прошли серьезную проверку на предмет устойчивости к подрыву на минах, и эти результаты оказались довольно противоречивыми. С одной стороны, на минах погибли «Пет-

ропавловск», «Ясима», «Хацусе», с другой – старый «Севастополь» подрывался на минах дважды, но при этом не испытал особых проблем. Подводная защита эскадренного броненосца оказалась вполне адекватной современному оружию – минам и торпедам, имевшим заряд примерно 60–70 кг. Но при этом следует сделать две существенные оговорки: корабль не должен иметь никаких иных повреждений, для того чтобы добить поврежденный в артиллерийском бою броненосец, вполне могло хватить и одной торпеды; два подводных взрыва даже такой мощности уже становились для корабля роковыми, именно так действовали минные банки. Случайности типа детонации боеприпасов в погребах так и останутся примерами «золотой пули», которая в морской войне появляется довольно часто, но всерьез рассчитывать на нее не следует.

Следующий бой линейных флотов стал уже настоящим испытанием для эскадренного броненосца. Как ни отбивались артурские адмиралы, после получения прямого приказа императора им пришлось отправляться во Владивосток. Кстати, решение вполне разумное с точки зрения сохранения флота, так как в Порт-Артуре корабли уже попали под обстрел осадной артиллерии, но с точки зрения борьбы за владение морем, это был тупик. Основные японские коммуникации проходили в Желтом море, и достать до них из Владивостока было более чем проблемно. Впрочем, все это чисто схоластические рассуждения, потому что 10 августа был решен исход войны на море. Да, именно такой парадокс: в сражении не погиб ни один корабль, однако оно завершилось сокрушительным стратегическим поражением, фактически решившим исход войны.

Ход этого сражения вызывает много вопросов, ответ на которые найти крайне сложно. Прежде всего, вызывают удивление действия адмирала Того, который фактически лишил сам себя заметного превосходства в силах. Бой вели по 6 броненосных кораблей с каждой стороны, причем формально преимуществом располагали русские, так как их 6 броненосцам противостояли 4 броненосца и 2 броненосных крейсера японцев. Однако в этот момент в районе Порт-Артура находились также еще 2 броненосных крейсера, которые адмирал Того по неизвестной причине не счел нужным присоединить к своему отряду. Командовавший русской эскадрой адмирал Витгефт поставил в боевую линию даже свои бронепалубные крейсера, но ведь Того мог не допустить этого, в его распоряжении находились сильные крейсера 3-го боевого отряда вице-адмирала Дева, которые могли связать боем русские корабли, но не сделали этого. То есть на стадии сосредоточения сил японский командир допустил несколько ошибок. Кстати, здесь хочется упрекнуть столь уважаемого автора, как Е. Поломошнов, в небольшой неточности. К моменту сражения в Желтом море Того уже был полным адмиралом, получив это звание 6 июня.

Вообще этому бою уделяется незаслуженно мало внимания, хотя при тщательном анализе можно было бы сделать много далеко идущих выводов, хотя не все из них касаются тогдашних линейных кораблей. Прежде всего, бой характерен активным маневрированием японской эскадры в период первого столкновения. Если присмотреться повнимательней к маневрам адмирала Того, то становится понятно, что он пытался реализовать давнишнюю мечту всех адмиралов – добиться идеального «crossing-T», тем более что он имел достаточный запас скорости. И ему это удалось, но тут же, почему-то неожиданно для Того, оказалось, что этот самый «crossing-T» не более чем фикция, особенно с учетом его желания добиться победы с минимальным риском и, как следствие, стремления вести бой на больших дистанциях.

После встречи главные силы противника двигались взаимно перпендикулярными курсами, и примерно к 12.00 главные силы японцев находились прямо по курсу русской эскадры. Но тут же выяснилось совершенно очевидная вещь – «crossing-T» можно удержать только стоя на месте, при условии что противник не будет маневрировать. Однако японцы продолжали следовать прежним курсом и очень быстро оказались южнее русской эскадры, следовавшей на

SSO, справа от нее. Тогда адмирал Того повернул свои корабли «все вдруг» на этот же курс и начал строем фронта удаляться от русских. Объяснения данного маневра звучат не слишком убедительно – он-де желал увлечь противника подальше в открытое море, чтобы не дать русским сразу вернуться назад. Впрочем, следовал он этим курсом всего лишь 10 минут, что просто не может иметь серьезного значения. После этого Того снова поворачивает эскадру «все вдруг» влево и выстраивает кильватер на обратном курсе, головным теперь идет броненосный крейсер «Ниссин». Снова японцы делают «crossing-T», и снова это оказывается бессмысленным – дистанция слишком велика. Сразу после окончания поворота «Ниссин» дает первый выстрел по головному русскому кораблю броненосцу «Цесаревич» с дистанции более 70 кабельтовых, но его снаряды и ответные русские ложатся недолетами.

Русская эскадра постепенно склоняется к востоку, и завязывается бой на параллельных курсах, но на слишком большой дистанции, так как имеют место единичные случайные попадания. Того это не устраивало, в 13.33 он совершает еще один поворот «все вдруг», а потом выстраивает кильватерную колонну на контркурсе к русским. Объяснение – попытаться охватить хвост русской колонны, но какие у него основания полагать, что этот маневр окажется более эффективным, чем предыдущие?

В 13.40 русские неожиданно поворачивают прямо на юг, якобы для того, чтобы избежать плавающих мин, замеченных впереди по курсу. Объяснение тоже сомнительное – ведь не могли же эту банку поставить японские броненосцы, недавно прошедшие над этим местом? Миноносцы Того в это время болтались где-то далеко позади русских, перекрывая им обратный путь в Порт-Артур. И все-таки с нескольких русских кораблей видели эти несчастные мины.

Это самый запутанный отрезок боя. Если верить части русских источников, то имели место два расхождения контргалсами, если японским – только одно. Я полагаю, что ближе к истине Джулиан Корбетт, который все-таки пишет об одном таком расхождении, ведь в его распоряжении были все возможные источники, в том числе знаменитая «Конфиденциальная история». Постепенно дистанция сократилась, но попадания оставались редкими, так как при контркурсах сосредоточение огня невозможно вообще, а тогдашние зачаточные системы управления огнем не позволяли точно целиться. Дистанция сократилась до 40 кабельтовых, и японцы открыли такой плотный огонь, что русские корабли буквально исчезли среди водяных столбов и клубов дыма.

В этот момент в опасном положении оказываются русские крейсера, которые адмирал Витгефт поставил в хвост колонны по не вполне понятным причинам. Десяток лишних 152-мм орудий вряд ли решил бы исход боя, а одно удачное попадание тяжелого снаряда могло обречь любой из крейсеров на гибель. Но, к счастью, все ограничилось попаданием в «Аскольд», изуродовавшим первую трубу. Крейсера резко отвернули влево, увеличили дистанцию и вышли из-под обстрела.

Особого упоминания заслуживает бездействие адмирала Дева, имевшего в своем распоряжении сильную крейсерскую эскадру во главе с броненосным крейсером «Якумо». Он несколько раз мог вмешаться в бой, атаковав русский арьергард, где находились крейсера, но не сделал этого «из опасения помешать замыслам главнокомандующего».

В результате эскадры разошлись, дистанция быстро увеличилась, и эффективность огня резко упала. Адмирал Того полностью и безоговорочно проиграл первую фазу боя, при этом можно сказать, что он проиграл ее самому себе. Адмирал Витгефт не предпринимал никаких резких маневров, в основном доворачивая на пару румбов в ту или иную сторону, а все хитрые маневры Того дали даже не нулевой, а отрицательный результат. К тому же его подвел младший флагман адмирал Дева, который в нарушение боевых инструкций так и не атаковал русских.

Первый отрезок боя ясно продемонстрировал основную слабость эскадренных броненосцев – примитивные средства управления огнем, которые не обеспечивали надежного поражения цели на дистанциях более 40 кабельтовых, особенно при следовании контркурсами. Адми-

рал Того не мог не учитывать этого в дальнейшем, поэтому мы можем считать надуманными заявления, будто в начале Цусимского сражения он намеревался снова вести бой на встречных курсах.

Того пришлось спешно поворачивать на обратный курс и начинать погоню за русскими. Попытка Витгефта увеличить скорость до 14 узлов привела к тому, что начали отставать два концевых старичка – «Севастополь» и «Полтава». Японцы в 14.45 начали стрелять по замыкающему броненосцу «Полтава», который получил за полчаса 6 попаданий 305-мм снарядами. Одно из них имело серьезные последствия – осколок попал в подшипник машины левого борта, что вынудило броненосец уменьшить ход, и он начал отставать. Как это могло произойти – совершенно непонятно, неужели люки в машинное отделение были открыты? Но в это же время серьезные попадания получили японские броненосцы «Асахи» и «Микаса», хотя опять-таки единичные.

И как раз в тот самый момент, когда у адмирала Того появился шанс навязать русским решительный бой, потому что Витгефт практически наверняка не рискнул бы бросить «Полтаву» на растерзание японцам, он вдруг принимает решение прекратить бой и поворачивает вправо, увеличивая дистанцию. В 15.30 первая фаза боя заканчивается. Скорее всего, это произошло потому, что Того упрямо не желал вести бой на средних и малых дистанциях. В какой-то степени его можно понять – он бросил в бой все, что только имел, а у русских на Балтике готовилась к отправке Вторая Тихоокеанская эскадра. Однако, проявляя такую нерешительность, Того рисковал вообще упустить русских. Скорее всего, он намеревался загнать русских обратно в Порт-Артур, под огонь осадных батарей, но русские проявили нехарактерную для них твердость. Увы, их подвело дурное техническое состояние кораблей. Если снижение скорости «Полтавы» объясняется случайностью, то на «Севастополе» просто начались проблемы с машинами.

К 17.00 расстояние между противниками составляло около 55 кабельтовых, но пока никто не стрелял, хотя до заката оставалось не более двух часов. В этот момент вспыхнул спор между адмиралом Того и его начальником штаба капитаном 1-го ранга Симамурой относительно того, что делать дальше. В конце концов адмирал решил махнуть рукой на хитрые маневры и дать бой на параллельных курсах. Почему-то японцы оценивали скорость русской эскадры в 14 узлов, хотя концевые корабли, особенно «Полтава», делали заметно меньше. Тем временем адмирал Дева, бессмысленно болтавшийся по правому борту у русских, прошел под кормой «Полтавы», и броненосный крейсер «Якумо» пристроился в хвост кильватерной колонны Того. Броненосный крейсер «Асама» по-прежнему находился слишком далеко.

Так или иначе, но в 17.35 дистанция сократилась до 45 кабельтовых, и «Полтава» открыла огонь, началась вторая фаза боя. Японцы сосредоточили огонь на концевых кораблях, которые мужественно его выдерживали. Русские в ответ стреляли по головным японским броненосцам, поэтому «Микаса» был вынужден перенести огонь на «Цесаревич». Тут же японский флагман получил попадание напротив мостика в броневой пояс, но броня выдержала. Наибольшие повреждения в этот период боя получил русский броненосец «Пересвет».

Кстати, именно сейчас была продемонстрирована ущербность так называемых систем управления огнем. Броненосец «Севастополь» не мог отличить всплески своих снарядов от чужих, а потому был вынужден пристреливаться по броненосцу «Фудзи», а потому, пользуясь полученными данными, перенес огонь на «Микасу». Японцы не жалели снарядов, и эта бешеная пальба постепенно начала давать результат. Русские корабли страдали все сильнее, например, около 18.00 на «Пересвете» были одновременно сбиты обе стенки – повреждение не опасное, но также имевшее немалые последствия. Это же подтверждает рапорт командира «Микасы»: «Полагая, что шанса вести бой на ближней дистанции не будет, я открыл огонь из своих 12-фн орудий на максимальном угле возвышения, сосредоточив огонь на третьем корабле». Но в это же самое время носовая башня броненосца продолжала стрелять по «Цеса-

ревичу»! Вещь совершенно неслыханная в эпоху центральной наводки. Точно так же нет оснований говорить о сосредоточении огня эскадры. «Асахи» стрелял по «Полтаве», «Фудзи» – по «Победе» и «Пересвету», «Сикисима» – по одному из концевых броненосцев русских.

Тем временем японские броненосцы потеряли уже треть своих 305-мм орудий, причем русские тут были совершенно ни при чем. Стволы обрывало при преждевременных разрывах собственных снарядов, виной тому были несовершенные взрыватели конструкции Идзюина. Но, несмотря на это, положение понемногу начало меняться. Во всяком случае, японцы были совершенно уверены, что они уже почти потопили «Полтаву». Броненосец, дескать, потерял ход, из труб не шел дым, стрельба практически прекратилась. И это в тот самый момент, когда на «Полтаве» наконец закончили ремонт машины, хотя корабль действительно очень сильно отстал от остальных броненосцев. А ведь «Якумо» вышел из строя, чтобы добить «Полтаву», и адмирал Дева вызвал свои остальные три крейсера, чтобы добить его. Вот доказательство того, что опасно полагаться на документы одной стороны.

В этот момент наступила развязка. Броненосец «Асахи» тоже перенес огонь на «Цесаревич», и, похоже, именно его снаряд в 18.40 разорвался на носовом мостике русского флагмана. Адмирал Витгефт, который весь бой провел на открытом мостике, был разорван на куски. Командир броненосца капитан 1-го ранга Иванов, опасаясь повторения паники, которая возникла после гибели адмирала Макарова, решил скрыть гибель адмирала. К этому времени дистанция сократилась до 22 кабельтовых, поэтому Иванов приказал повернуть влево, чтобы увеличить ее. Именно тут последовало второе роковое попадание, второй снаряд разорвался на мостике, его головная часть через визирный просвет влетела в боевую рубку. Несколько человек, в том числе командир и рулевой, получили ранения, броненосец потерял управление и покатился влево. Вступивший в командование старший помощник приказал поднять сигнал «Адмирал передает командование», и началось именно то, чего опасался Иванов – полный хаос.

Строй русской эскадры смешался, адмирал Того немедленно приказал повернуть влево, чтобы, двигаясь по окружности, расстреливать сбившиеся в беспорядочную кучу корабли. Чтобы попытаться спасти положение, «Ретвизан» бросился на противника. Намеревался капитан 1-го ранга Шенснович таранить «Микасу» или нет – сказать сложно, но намерения японцам он спутал. Кстати, и сами японцы, а немного позднее и русский младший флагман князь Ухтомский в «Морском сборнике» утверждали, что этот бросок поддержал броненосец «Победа». Но русская эскадра в итоге повернула назад в Порт-Артур. Адмирал Ухтомский утверждал, что он намеревался повести броненосцы за собой и даже поднял соответствующий сигнал на поручнях мостика (вот они, сбитые стены!), но его никто не увидел.

Стемнело, и теперь в бой вступили многочисленные японские миноносцы, которые попытались атаковать русские корабли. Хотя в атаках участвовали 18 истребителей и 31 миноносец, которые выпустили 64 торпеды, ни один из русских броненосцев не получил попаданий.

А теперь посмотрим на то, как эскадренный броненосец выдержал этот бой. Выяснилось, что принципы, заложенные в основу конструкции этого класса кораблей, совершенно справедливы. Все 10 броненосцев, участвовавших в бою, завершили его более или менее благополучно, хотя их состояние было довольно различным. С повреждениями японских кораблей все более или менее ясно, броня выдержала все попадания, а разрушения ограничились надстройками. Единственный серьезный инцидент имел место при попадании русского бронебойного снаряда в 178-мм плиту пояса на «Микасе». Например, самым заметным попаданием во второй флагманский корабль эскадры адмирала Того стало разрушение кормового мостика, которое было внешне эффектным, но малоэффективным. Больше всего японцы пострадали от разрывов собственных тяжелых снарядов, которые вывели из строя много башенных орудий.

А вот вопрос с повреждениями русских кораблей более запутан, прежде всего это относится к состоянию после боя обоих флагманских броненосцев – «Цесаревича» и «Пересвета».

Судя по всему, даже в случае удачного прорыва вряд ли «Цесаревич» сумел бы дойти до Владивостока. Сильные повреждения труб вызвали резкое увеличение расхода угля, но главное – два попадания в мостик привели к тому, что фок-мачта держалась «на честном слове». При усилении качки она могла полететь за борт, что само по себе не так уж и страшно, однако она наверняка унесла бы с собой носовой мостик, с которым была жестко скреплена, и могла прихватить заодно боевую рубку, что уже совсем нехорошо. Но при этом вся артиллерия броненосца до самого конца боя действовала вполне исправно.

Гораздо серьезнее пострадал «Пересвет», который получил 37 попаданий – примерно столько, сколько все японские корабли, вместе взятые, и в полтора раза больше «Цесаревича», причем попадания в район ватерлинии вызвали значительное поступление воды. Именно на «Пересвете» серьезно пострадал главный пояс, хотя описания повреждений даже русскими источниками противоречивы. 305-мм снаряд попал в угол 229-мм плиты и либо вдавил его, разорвав обшивку, либо вообще пробил. Если так, это было единственное пробитие главного пояса броненосца за всю войну. В результате попаданий начало заливать подбашенное отделение носовой башни, отсек носового торпедного аппарата. Корабль принял столько воды, что его остойчивость резко снизилась, это отмечал старший артиллерист броненосца лейтенант Черкасов. Судя по всему, если бы на море не стоял практически полный штиль, у «Пересвета» могли возникнуть очень серьезные проблемы, не исключено даже, что трагедия «Осляби» могла произойти на год раньше. С проблемой справились, заполнив водой междудонные отсеки, после чего остойчивость улучшилась.

«Пересвет» продемонстрировал еще одну проблему русских кораблей. Осколки, попавшие через шахту вентиляции, вынудили на время остановить среднюю машину. Как уже говорилось, аналогичные проблемы возникали у «Полтавы». Как осколки залетали в машинные отделения, которые считаются очень хорошо защищенными, – неясно. Частичный ответ дают рапорты офицеров того же «Пересвета». С поступлением воды в отсек носового торпедного аппарата справились путем задрания люка... То есть приведение корабля в полную боевую готовность носило весьма специфический характер – никто не считал обязательным задрать водонепроницаемые двери и люки.

Но в целом броненосцы обоих противников выдержали испытание. Потери оказались довольно умеренными, причем погибших у русских и японцев было практически одинаковое число. И эти довольно скромные результаты были достигнуты при огромном расходе снарядов. Русские выпустили примерно 570 тяжелых снарядов и около 4700 средних (до 75 мм включительно), японцы истратили около 950 тяжелых и 5700 средних снарядов. Процент попаданий был невысоким, хотя японцы стреляли заметно лучше. Но если учесть источники, которые утверждают, что японцы израсходовали заметно больше снарядов, особенно тяжелых – более 1200 (Джулиан Корбетт приводит эту цифру со ссылкой на «Конфиденциальную историю»), их процент попаданий ощутимо понизится.

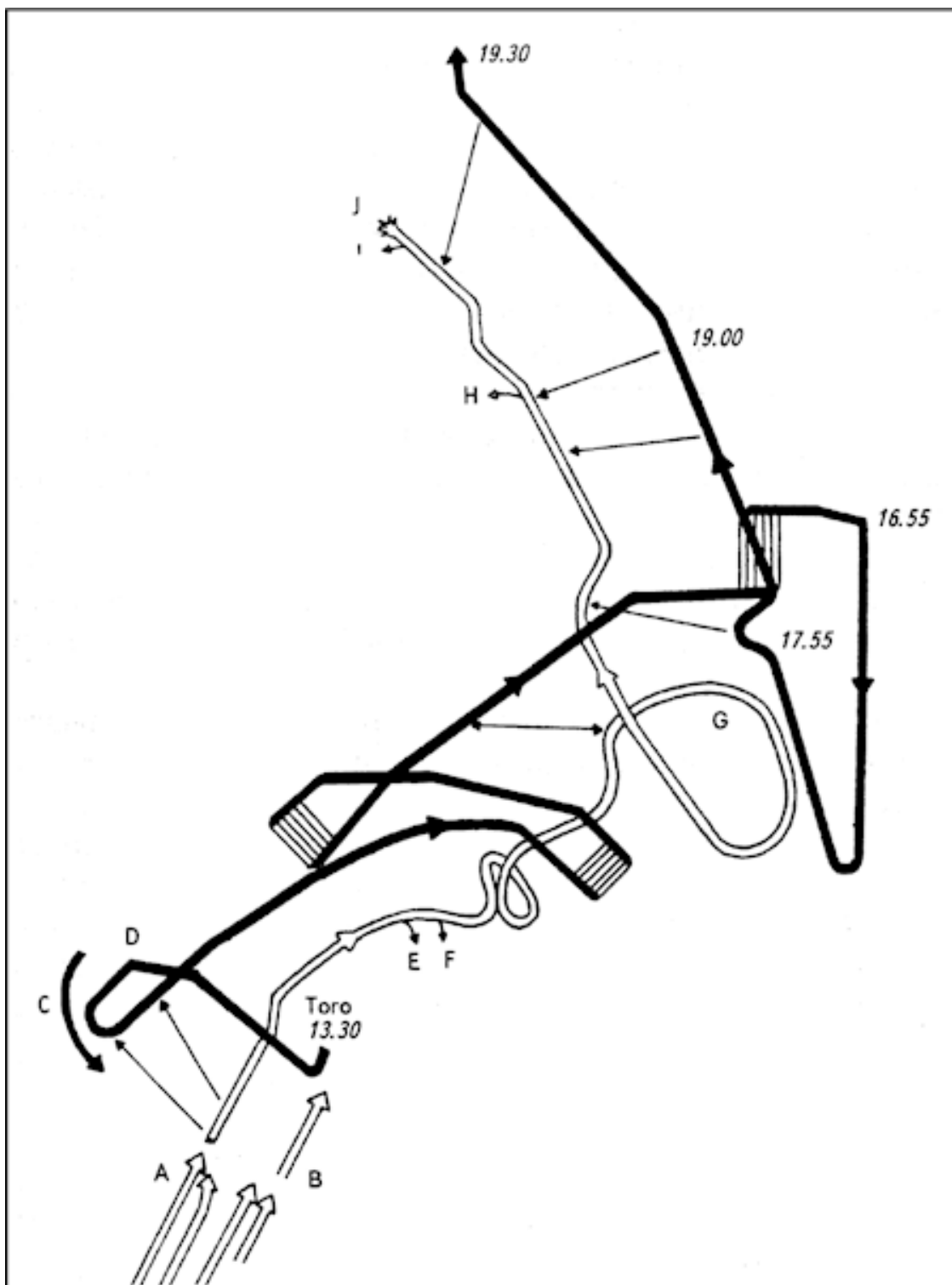
Следует отметить еще одну деталь, пагубно повлиявшую на судьбу Второй Тихоокеанской эскадры. За все время боя на русских кораблях не возникло ни одного серьезного пожара. На это обычно почти не обращают внимания, но ведь был опровергнут опыт предыдущих сражений – у Ялу и Сантьяго. В результате был сделан вывод, что опасность пожаров минимальна, и особых мер предосторожности в этом отношении можно не принимать, за что русские и заплатили в Цусимском сражении.

Этот бой оказал заметное влияние на тактику следующего крупного сражения – Цусимского. Адмирал Рожественский, памятуя о замешательстве, имевшем место при передаче командования на артурской эскадре, перед сражением отдал приказ: эскадру ведет головной броненосец. Если он выйдет из строя, то следующий – и так далее. Не менее серьезные выводы сделал для себя и адмирал Того. Он отказался от всяких сложных маневров и главное – от пресловутого «crossing-T», его действия в Цусимском сражении представляли разительный

контраст с суетливым маневрированием в первой фазе данного боя. В дальнейшем Того действовал просто, даже прямолинейно, жаль, что русские не нашли противоядия от этой прямолинейности. Одновременно японцы сделали вывод и из расхода снарядов, ведь броненосцы выкинули в море почти две трети боезапаса главного калибра. В результате в Цусимском сражении японские корабли стреляли заметно медленнее, чем в Желтом море, что бы ни утверждали русские.

Тактический результат сражения следовало бы оценить как минимальную победу японцев. Хотя ни один корабль не был потоплен и не потерял боеспособности, но все-таки японские корабли пострадали заметно меньше русских. Однако со стратегической точки зрения это была сокрушительная победа японцев, русская эскадра вернулась обратно в Порт-Артур и больше в море не выходила, бесславно погибнув под огнем тяжелых гаубиц. Кстати, анализировать этот расстрел не имеет никакого смысла, заранее было известно, что броневые палубы кораблей рассчитывались на противостояние снижающихся снарядов морских орудий, но никак не на крутое падение гаубичных. Попытки навалить мешки с песком на палубы результата не дали и не могли дать. Японцы получили полное и безоговорочное господство на море и впредь могли не беспокоиться за свои коммуникации.

Цусимское сражение называют «самой решительной и полной победой на море в истории». Но я бы рискнул сказать так: решительной, но уже ничего не решающей. Бытует точка зрения, которую разделял и Джулиан Корбетт: «Военное положение, сокращение японских ресурсов и общее истощение наступательной энергии на суше потребовали сокрушительной победы на море, чтобы вынудить приемлемый мир. Следовало пойти на любой риск, чтобы обеспечить такой исход, и не было более причин избегать этого риска, так как больше не оставалось ничего, чего мог бы опасаться японский флот. Русские бросили на стол буквально все карты, которые имели, и пришло время выставить против них абсолютно все корабли. Поэтому следовало ожидать сражения на тех дистанциях, которые адмирал Того считал наиболее желательными для достижения решающего успеха».

Цусимское сражение 27–28 мая 1905 г.

Спорить с этим совершенно невозможно, однако у каждой медали имеется обратная сторона. А каково было к этому времени состояние русской армии? Много лет спустя, сидя в стильных парижских мансардах, экс-офицеры и экс-генералы уверенно вещали, что их ждала победа. Однако совсем не зря генерал Линевич столь мастерски уклонялся от любого, даже самого незначительного наступления и окопался на Сыпингайских позициях в почтительном удалении от японцев. Русская армия истощила свою наступательную энергию гораздо раньше японской, и то, что теперь ее численность возросла вдвое по сравнению со сражением под

Мукденом, означало лишь одно: при попытке наступать ее ждал Мукден удвоенных размеров. И это русскому командованию, а совсем не японскому требовалась хоть какая-то победа, чтобы условия мира были приемлемыми, хотя скорее всего Вторую Тихоокеанскую эскадру следовало сохранить в качестве «fleet in being», ведь угроза всегда страшнее ее исполнения, и, спекулируя этой угрозой, можно было вырвать нормальный мир. Когда русские бросили на стол все карты, выяснилось, что вместо каре тузов у них на руках всего лишь пара валетов.

Но мы отвлеклись. Туго закрученная пружина событий начала разворачиваться 27 мая 1905 года в 2.45, когда вспомогательный крейсер «Синано-мару» заметил в предрассветных сумерках неизвестный корабль, шедший с включенными огнями. Вскоре выяснилось, что это русское госпитальное судно «Орел», шедшее вместе с эскадрой, а некоторое время спустя японский разведчик обнаружил и другие корабли. В 4.45 в эфир полетела радиограмма с известием, что Вторая эскадра обнаружена.

Здесь следует сделать небольшое отступление. На русских кораблях также стояли радиостанции, но мне не удалось найти ни одного упоминания об их использовании во время боевых действий. Гораздо чаще рассказывается об удачных довоенных опытах по сверхдальней для тех времен связи на расстояние 50—100—200 миль. Наверняка флот пару раз использовал свои радиостанции по назначению, но уже одно то, что подобные упоминания приходится специально искать, говорит само за себя. Сразу вспоминается единственный случай – после Цусимского сражения миноносец «Бравый», подойдя к Владивостоку, передал, что у него кончился уголь, и вызвал помощь. Чаще всего читаешь о том, что «усиленной искрой перебивали передачи японцев», зато сами японцы пользовались своими радиостанциями постоянно. Это очень хорошо показывает отношение русского флота к техническим новинкам, за которое он в этой войне не раз заплатил. В 6.05 следивший за русскими вспомогательный крейсер сменил старый бронепалубный крейсер «Идзуми» из состава 3-го флота вице-адмирала Катаока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.